

А. Н. МЕРЦАЛОВ
Л. А. МЕРЦАЛОВА

ДОВОЛЬНО О ВОЙНЕ?

Воронеж — 1992

Светлой памяти Ильи Николаевича Бороздина и Александра Михайловича Самсонова посвящается.

А. Н. МЕРЦАЛОВ

Л. А. МЕРЦАЛОВА

ДОВОЛЬНО О ВОЙНЕ?

Воронеж — 1992

**А. Н. Мерцалов
Л. А. Мерцалова**

ДОВОЛЬНО О ВОЙНЕ?

I. ЧЕГО СТОИТ МНОГОГОЛОСИЕ 1985—1992 ГОДОВ?

I

«Довольно говорить и писать о войне!» Такой призыв звучит в теле- и радиопередачах, газетах, журналах (далее: прессе). Это можно было бы объяснить тем, что не владеющему научными подходами к прошлому, но духовно здоровому человеку просто надоело бесконечное повторение одного и того же на протяжении нескольких десятилетий в серых и бесцветных книгах и фильмах. Неуважительное подчас отношение к фронтовикам также можно связать с пороками высокопарной казенной историографии и таких же искусств. Но как объяснить, что в ряде новых государств сокращены без того весьма скромные льготы участников войны? В ряде других раздаются призывы считать, что вторая мировая война не закончена, пока их пределы не покинет последний солдат «оккупационной армии». После обнаружения страшных вестей о незахороненных останках сотен тысяч погибших на войне не только не были предприняты государственные меры. Резко сократилась и деятельность поисковиков-общественников.

За семь лет перестройки так и не сформировалась научная школа военных историков, успехи отдельных ученых весьма скромны. В последнее время сильно уменьшилось издание так необходимых новых книг, брошюр, статей о войне. Переосмыслению знаний мешают главным образом не обыватели, а влиятельные силы. Известно, что зловещая тень генералиссимуса пала не только на предысторию и историю войны, но и на ее освещение в СССР и ряде других стран. Приемы этих сил различны. Например, на Поклонной

горе воссоздают, по крайней мере, в архитектуре, сталинский миф о войне. Характерно обращение Б. Н. Ельцина 8 мая 1992 г.: «Тогда (9 мая 1945 г. — Авт.) были неуместны сомнения даже в самых жестких и бесчеловечных приказах, не возникали праздные упреки в ошибках, которых невозможно было избежать в тех сложнейших, критических условиях». Что в этой фразе? Одобрение действий, чуть было не обернувшихся гибелью государства и народа, стремление угодить консервативно настроенным ветеранам, отметить «праздные упреки» в новых «ошибках», совершенных также в «критических условиях»? Не приглашают ли нас снова свернуть еще не начавшееся толком исследование войны? Суть науки как раз и состоит в сомнениях. Без них нельзя извлечь из прошлого бесценные, положительные и отрицательные уроки.

На Западе в связи с открытием новых архивов, появлением нового поколения исследователей, крушением системы устройства Европы и мира, возникшей в 1945 г., повысилась активность в изучении войны. У нас же происходит нечто противоположное. Не только не расцвели сто цветов, как можно было ожидать, после 1985 г. Вышли в свет лишь несколько книг по локальным темам войны. Но ни одна из них не отвечает новейшим требованиям. Даже популярную литературу о войне вытеснило «легкое чтение». Задающие тон в новейшем идеологическом оркестре обходят молчанием военную тему, не желая, очевидно, признавать роль миллионов рядовых коммунистов, хотя они не имели прямого отношения к сталинизму.

Придавая значение научному подходу к истории, авторы брошюры полагают, что уже с имеющимися источниками можно сделать решительный шаг в исследовании прошлого. Мы, естественно, не отодвигаем на задний план публикацию новых документов и других источников. Не перечеркивая всю литературу о войне, фашизме и сталинизме, мы отвергаем, однако, одностороннюю их оценку, свойственную многим советским и зарубежным военным историкам. Авторы брошюры понимают, что их собственные работы, в т. ч. и изданные в 1989—1990 гг., не освободились еще от старых влияний. Но даже это обстоятельство не позволяет согласиться с некоторыми критиками (В. В. Согрин), изображающими литературу былых лет сплошь в темном свете. С полным основанием выделяет М. А. Гареев, например, в советской литературе о зарубежной историографии второй

мировой войны две группы трудов. Первые из них отличаются «предвзятостью», их авторы (О. А. Ржешевский, А. С. Якушевский и др.) «совершенно не приемлют критических замечаний, относящихся к нашей стороне, даже в тех случаях, когда зарубежными историками дается более объективная оценка тех или иных событий». В трудах же второй группы представлен «широкий и более объективный анализ зарубежной историографии».

Затрагивая освещение того или иного вопроса, мы часто оказываемся не в состоянии при нынешнем уровне знаний дать исчерпывающий ответ. Однако долг историографии подчас и ограничивается тем, чтобы сформулировать ту или иную не решенную еще задачу, определить пути исследования. Это тем более важно, что многие из историков не преодолели еще привычки объявлять свои работы венцом творчества.

Брошюра в первую очередь отражает негативную сторону прошлого. Это объясняется не только тем, что положительное освещено сравнительно полно. Авторы пытаются хотя бы в малой степени восполнить научный и нравственный долг историков. «Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с бонапартовской Францией, — читаем у Л. Н. Толстого, — не описав наших неудач и нашего срама». Брошюра в значительной мере посвящена сталинизму, явлению сплошь отрицательному, его пагубному влиянию на общество. Требование десталинизации литературы о войне также обязывает сосредоточить внимание на «темных пятнах». Вместе с тем авторы проводят мысль о громадных нравственных силах народа, который вопреки чудовищным просчетам и бесчеловечным методам деспотии внес решающий вклад в разгром фашизма.

Основы советской историографии войны составили ложные или спорные суждения Сталина, сведенные в основном в книгу «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Литература развивалась главным образом вширь. На старую схему нанизывались новые, однотипные факты. Шагом вперед был выход в свет (1960—1965) 6-томной истории войны. Но и в ней пересмотр сталинистских взглядов был непоследовательным. Начавшееся вскоре восстановление вождизма пресекло прогрессивное движение. Главные позиции заняли Институт военной истории (ИВИ, начальник П. А. Жилин, впоследствии — Д. А. Волкогонов), отделы истории войны ИМЛ при ЦК КПСС (Б. А. Томан), Инсти-

тута истории СССР (Г. А. Куманев), Института всеобщей истории (О. А. Ржешевский). Определенный вклад в освещение войны вносили ученые, оставшиеся вне казенной историографии, хотя и тратили большую часть своих сил и времени на бесплодные споры с учеными советами, редакторами, рецензентами.

В 1973—1982 гг. был издан хвалебный 12-томник по заранее определенной схеме, с заданными результатами, соотношением плюсов и минусов («взвешенный подход»), на основе тщательно отобранных источников. Общественность была отстранена от его разработки. Большинство его авторов жили по принципу «чего изволите». Решающее слово принадлежало М. А. Суслову, А. А. Гречко, Д. Ф. Устинову и другим членам полютбюро и маршалам. Как сказал поэт, «писать не умеющий учит писать». 12-томник отражал претензии Л. И. Брежнева и других войти в историю в качестве выдающихся деятелей. Но это не было главным недостатком. 12-томник освещал лишь героическую сторону войны, как правило, со стороны СССР. Его союзники, противники освещены тускло. Война не показана как многосторонний процесс, взаимодействие во времени и пространстве воюющих блоков государств, противоборство их вооруженных сил, экономического, идеологического и иных потенциалов с учетом их важнейших характеристик, в их развитии от начала до конца. В духе вульгаризированного классового подхода был полностью предан забвению геополитический фактор, игравший в истории России и СССР огромную роль. Неглубоко раскрыт важнейший источник победы — духовные силы народа.

Творцы издания испытывали священный трепет перед наследием не только Сталина, но и советских полководцев. Наука никогда не считала мемуары безупречным источником. Это тем более относится к воспоминаниям, написанным много лет спустя после события, лицами, которые не вели дневников, были подвержены сильным политическим влияниям. Многие из них от бездумного почитания Сталина не освободились до последних своих дней. Г. К. Жуков и А. С. Конев, например, наивно полагали, что Сталин «спас» их от Л. П. Берии. «Литзаписчики» и «литобработчики» — фактические авторы многих этих мемуаров — по своей культуре были не выше тех, кто ставил свое имя под их сочинениями. Источником их были часто не воспоминания участников, а по определенному заданию подобранные докумен-

ты, газетные материалы тех лет. Многие из этих книг были нелепо похожи друг на друга.

Пропаганда представила 12-томник как высшую истину. Фактически он остановил развитие историографии. Остались не изученными важнейшие проблемы. Среди них — генезис и политический характер войны, внешняя политика СССР предвоенных и военных лет, развитие обороны СССР в предвоенные годы, военного строительства, военной доктрины, взаимоотношения ВКП(б) и РККА. Не освещен объективно ход войны, многие конкретные события войны, в их числе бои советских войск в окружении. Не изучены важные аспекты таких событий, как битвы под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, Курском, Берлинская операция, которые кажутся давно исследованными. Проблема сталинского руководства войной вообще не поставлена. Односторонне представлен даже героизм советских людей, который всегда был в центре внимания историков и публицистов. Они пропагандировали самопожертвование в сугубо языческих традициях. Грамотное же руководство, эффективность действия РККА, боевой и трудовой подвиг миллионов людей (а не десятка одиноких героев) во многих трудах игнорировались. Не исследованы коренные проблемы экономики СССР военных лет, хотя ей посвящены многочисленные, в основном бесплодные, книги и статьи. Не раскрыта тема принудительного труда, в частности, в ГУЛАГе. Односторонне представлены источники победы СССР, итоги войны. Обойдены молчанием цена победы и уроки.

Насколько важно было своевременно исследовать, по крайней мере, все основные стороны военных событий, показывают, например, такие обстоятельства. Занятая политиками и историками глупейшая позиция умолчания по поводу истинного смысла советско-германского пакта о ненападении была успешно использована антисоциалистическими и националистическими экстремистами на рубеже 80—90-х гг. Правопреемница же фашистской Германии — ФРГ давным-давно отмежевалась от «пакта Гитлер — Сталин», и никому ныне в голову не придет упрекать ее в этой сделке. Не только грубые просчеты дипломатии СССР, но и запрет изучать их дают повод определенным кругам в Японии и ряда других стран ставить вопрос о фактическом пересмотре итогов войны, что противоречит международному праву, в частности, известным соглашениям в Хельсинки. Подобные тенденции усилились после противозаконной «ликвидации

СССР» (Г. Х. Попов) и резкого ослабления мировых позиций его преемников.

Не изучено взаимодействие во время войны режима и церкви. Насколько допустим был этот компромисс со стороны обоих его участников, что дал он обществу, какие последствия имел? Решение этих вопросов позволило бы не только гражданам, но и современным политикам трезво оценить взаимоотношения новых государств, особенно провозгласивших себя «демократическими», и церковью, прямое вмешательство некоторых президентов в церковные дела, назойливую и упрощенную религиозную пропаганду, живо напоминающие по форме и сути действия воинствующих безбожников из крайних течений большевизма 20—30-х гг. Может ли способствовать прогрессивным преобразованиям церковь, которая сама себя в течение тысячи лет не сумела реформировать? Может ли неподвижное двигаться?

На неизученности держатся измышления против советской науки в связи с недавним раскрытием определенной роли разведки в создании атомной бомбы. Это изобретение, как и многие другие, нельзя приписывать одним лишь США. Это — плод научной и инженерной мысли многих стран, в том числе и СССР. И дело не только в разведке: дайте нандертальцам любую информацию, они не смогут создать бомбы. Наконец, как было бы сейчас кстати, если бы советские историки изучили опыт преодоления, в частности, в Германии авторитаризма, в т. ч. демилитаризации экономики и других сфер жизни.

С особой силой нужно подчеркнуть, что беды военной (и не только военной!) историографии проистекают во многом из нежелания признать влияние сталинизма на возникновение, ход, исход войны, последующее развитие СССР и ряда других стран. Но советской науке до сих пор не удалось определить, что такое сталинизм, каковы его сущность и истоки, какие области жизни он поразили, как повлиял на сознание каждого — от дворников до президентов. С этим связаны наиболее опасные политические мифы XX в., возникшие на Западе, а ныне все более захватывающие сознание и наших сограждан. Это — утверждения о том, будто бы сталинизм представляет собой марксизм-ленинизм, социализм, коммунизм, а КПСС в целом преступна. Глубокое укоренение сталинизма в числе других причин объяснимо тем, что «вождю» удалось с помощью насилия и лжи представить свою тиранию «прогрессивной» и присвоить себе славу побе-

дителя. Десталинизация — не кратковременная кампания, как казалось делегатам XX съезда КПСС в 1956 г., и даже инициаторам перестройки в 1985-м. Это — весьма долгое и трудное дело. Не с крушением ли радужных надежд и связаны разочарование определенных кругов населения, их готовность принять даже грубый капитализм, выдерживать новые страшные нагрузки, принимать заблуждения по поводу демократизма пресловутого императорского дома, церкви, казачества?

История стала полем небывало острой борьбы мнений авторов научных, мемуарных, публицистических и художественных произведений. Эту дискуссию трудно переоценить. Наивно сводить ее к столкновению лишь личных взглядов. Не случайно она стала предметом пристального изучения зарубежных ученых. На Западе вышел ряд специальных работ. Среди них статьи профессоров Б. Бонвеча (ФРГ), Дж. Эриксона, книга Р. В. Дэвиса (Англия). Они отразили изменения главным образом в публицистической и художественной литературе, поворот в освещении роли Сталина в войне, критику мифа о великом полководце. Переписывание истории, пишет журнал «Тайм» (США), стало в СССР традицией. «Это — единственная страна в мире, где прошлое непредсказуемо». Но нужно отличать его переписывание в корыстных интересах первых лиц от совершенствования его картины по мере теоретического роста исследователей, расширения источников, преодоления сиюминутных влияний. Это правда, что в стране не только не решены, но даже не намечены задачи исторической науки, связанные с осмыслением ее собственной истории, ее роли в обществе, влияния на массовое сознание, хотя в АН есть подразделения, называющие себя историографическими.

Дискуссия коснулась и дальнейшего развития военно-исторической литературы. Оборонное ведомство предложило издать к 50-летию победы новый многотомник. Другая точка зрения была обоснована в нескольких статьях В. И. Дашичева, В. М. Кулиша, Н. Г. Павленко, А. М. Самсонова, В. А. Секистова и авторов этих строк. Мы исходили из того, что во время застоя почти не было научной работы по истории войны и подготовки нужных для этого кадров. Нескольким добросовестным и грамотным историкам написать многотомник не под силу. Авторский коллектив нового 10-томника профессионально несостоятелен. Ему недоступно богатое наследие основателя академии Генерального штаба

России Г. В. Жомини, К. Клаузевица и других крупнейших отечественных и зарубежных военных историков и теоретиков. В интересах сталинизма оно было предано в СССР забвению. Коллектив не овладел ни опытом мировой историографии, ни новыми источниками, которые мало открыть, их нужно изучить и применить. Не разработаны научная концепция, упоминавшиеся уже проблемы, без чего нельзя начинать действительно капитальный труд. Руководители и исполнители не освободились от старых воззрений и методов, в ИВИ сохранялись антидемократические традиции. Концепция 10-томника, если она вообще существовала, не была опубликована под смехотворным предлогом — «недостаток времени». Общественность снова была оттеснена. Обсуждение томов проводилось за плотно закрытыми дверями. Ознакомление с макетом т. I многотомника показывает, что коллектив не сумел преодолеть ни пороков старой школы, ни влияния новых антикоммунистов от историографии. Ему оказались недоступны новейшие успехи советской обществоведческой мысли. Авторы обнаружили ошибочные представления о фашизме, сталинизме, происхождении второй мировой войны. Вообще многотомник — далеко не предмет первой необходимости. Читателю нужны небольшие по объему книги по неизученным темам, сборники документов, переиздания лучших зарубежных книг, но не новые динозавры.

Иное мы наблюдаем в ФРГ. В 1990 г. там была издана книга «Вторая мировая война. Анализ. Принципы. Итоги исследования». Она содержит свыше 50 статей по различным темам, преимущественно политико-идеологическим, социально-экономическим, оперативно-стратегическим, а также культурно-этническим, военно-техническим, юридическим. В статьях отражены различные подходы и взгляды. Одной из задач книги является «познакомить широкую общественность с результатами деятельности и позицией» авторского коллектива 10-томника «Германская империя и вторая мировая война» (ФРГ. ТТ. 1—6. 1979—1988), способствовать совершенствованию неизданных томов.

В таких условиях советских читателей ожидало новое, слегка приукрашенное в духе перестройки издание провалявшегося 12-томника, а науку — новый застой. К счастью, издание многотомника было отменено. Решено, как и доказывали оппоненты, ограничиться публикацией очерков. Время покажет, в какой мере их авторам удастся учесть те за-

мечания и советы, которые были высказаны в ходе дискуссии. Деятельность сторонников объективного освещения войны в 1992 г. вновь сильно ограничена и наши сомнения нельзя считать неуместными. В июньском (1992 г.) интервью «Красной звезде» нового начальника ИВИ А. Н. Баженова явно прослеживается стремление выжить в условиях рынка, и это понятно. Но нельзя согласиться с нежеланием признать «дефицит научного потенциала» ИВИ, утверждением о «доброкачественной научной продукции» ИВИ.

Большую роль в эти годы играла публицистическая литература. Без ее анализа нельзя учесть постоянную связь между политикой и историографией. Публицистика разных направлений неизменно обращается к истории вообще, военной, в частности. В ней часто рождаются идеи, которые лишь впоследствии получают обоснование и развитие в научной литературе. Нередко статьи в газетах и журналах, ориентированных на перестройку, отличались большими глубиной и новизной, чем иные книги, названные «монографическими».

Ряд ученых относится к публицистике снисходительно. Некоторые члены АН (В. А. Куманев, Ю. А. Поляков) стремились приглушить активность историков в прессе. Они осуждали частные ошибки, «увлечение негативным», «перекося», призывали прекратить «митинговый период», «лозунговую историографию», третировали «устную историю» (труды, основанные на воспоминаниях репрессированных) как ненаучные. В этом проявилось общее стремление приписать перестройке то, что является наследием прошлого, остановить оздоровление историографии. «Небывалая политизация истории», разумеется, возникла не без участия «воинствующего дилетантизма» и фальсификации. Однако они укоренились еще при Сталине.

Естественно, публицистика далеко не безгрешна. В ней можно встретить нечто легковесное и кое-что похуже. Есть стремление представить себя первооткрывателем. Целые издания, например, Военно-исторический журнал при главном редакторе В. И. Филатове, напоминали во многом неофашистскую публицистику: крайняя идеологизированность, отход от элементарных требований науки, вытеснение языка жаргоном. Не выдерживают критики некоторые публикации «Нового времени». Среди них — «Выпивка по ленд-лизу» (Ж. Блон, Франция), крайне недружелюбное описание военного Мурманска; письмо Н. Николаева о нападении РККА на будто бы «уже побежденную, лежащую у ног противника

Японию». Неподготовленные люди навязывают миллионам слушателей и читателей по меньшей мере спорные представления. Среди них — бездарные певцы и мастера (?) разговорного жанра, художники, шахматисты и тяжелоатлеты, философы и юристы, строители и математики. Некоторые из них, например, А. А. Иванов, с пафосом отстаивают свое «право» судить о прошлом, забывая, однако, что помимо «права» нужно обладать еще и знанием предмета. И тем не менее трудно предположить, что исследовательские, документальные, мемуарные публикации непременно что-то потеряли, если они увидели свет не в книгах, а в прессе; что уровень статьи ученого упадет, если она будет опубликована не в сборнике, а в газете. Публицистика 1987—1991 гг., если не единственная, то главная в СССР арена, где постоянно проходила плодотворная дискуссия. Ученым нужно не «воевать» с публицистами, а помогать им.

Определенную роль играли художественные произведения. Однако мы не можем принять некоторые суждения. По мнению Ю. В. Бондарева, например, «История России заброшена смрадной грязью. Великая Отечественная война опоганена тыловыми трусами и зелеными юнцами из программ телевидения». Полны преувеличений работы А. И. Солженицына: «бездарно проведенная, даже самоистребительная, «Отечественная»; «положили на плахи или спустили под откос» во время войны «треть своего населения»; «Не гордиться нам и советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов, вдесятеро гуще, чем враг, и только утвердили над собой деспотию». Такие оценки не основаны на серьезном исследовании события.

Как болезненная реакция на псевдомарксистскую, то есть сталинскую литературу, после 1985 г. возникло открыто антимарксистское направление, в целом такое же ничтожное в научном отношении. Старая историография до сих пор сохранила серьезные позиции, хотя в 1992 г. после реорганизации издательств открыто антимарксистская литература стала господствующей. Работы, которые не устраивали новое руководство, были возвращены их авторам, несмотря на то, что рукописи находились уже в производстве. Но эта литература преуспевает лишь в разоблачительстве — не в созидании. Слепой антикоммунизм не позволяет ей видеть нечто положительное в развитии после Октября. Показательно, что она заимствовала у неофашистов мифы об «упреждающей войне» Германии против СССР, «добром фашизме»

и сотрудничестве с ним «патриотов» (А. А. Власов и другие). Эта литература выросла не из анализа сталинизма. Ее вдохновителей едва ли интересует истина. Скорее всего здесь — первобытное стремление к власти. Стоило реформаторам из КПСС отмежеваться от сталинизма, как они начали нападки на социализм, приняли тезис западных реакционеров: «Маркс — первый сталинист, Сталин — лучший марксист».

В качестве ведущего специалиста по истории сталинизма и войны официальная пресса представляет генерала Волкогонова, бывшего заместителя начальника Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота (до 1945 г. — ГЛАВПУ РККА — Рабоче-крестьянской Красной Армии), автора 30, по его словам, «монографий», посвященных разным темам — от идеологической работы в армии до биографии Л. Д. Троцкого. Его двухтомник «Сталин» не только журналисты, но и некоторые академики поспешили назвать «крупным научным исследованием». Путь Волкогонова как видного представителя номенклатуры в «ученые историки» показателен для советской науки. До последних лет он подчеркивал, что он не историк, а философ. Действительно, докторская диссертация по «марксистско-ленинской философии» не дает ни методологической, ни историографической подготовки. В первые годы перестройки он пытался удержаться на нейтральной, по сути двойственной позиции: «Я не сталинист, не антисталинист», «Просто человек, ищущий правду».

Противопоставляя «просчеты Сталина» в области внешнеполитической и оперативно-стратегической «преступлениям в отношении к кадрам», Волкогонов считал, что в 1943—1945 гг. «вождь» будто бы не допускал ошибок, а в результате войны даже понял необходимость «близости руководства к народу». Под пером философа он из вульгаризатора ленинизма стал его «популяризатором». «Когда не останется лиц, живших непосредственно в тени «вождя», лет через 15—20, отношение к Сталину будет более спокойным». Давно, однако, нет на земле лиц, лично знакомых с Нероном, Чингисханом, Тамерланом. Но отношение к этим деспотам не стало «более спокойным». Утверждениями об «осторожной политике», «колебаниях» Сталина автор также оправдывает грубейшие его просчеты.

Публично признавая невозможность издать в краткие сроки многотомник о войне, Волкогонов тем не менее воз-

главил это несостоятельное предприятие. После опубликования в художественных журналах работы о Сталине он был назван АОН при ЦК КПСС доктором исторических наук. Тщетны были его попытки стать академиком АН СССР. Но как советнику президента ему удалось стать членом-корреспондентом РАН. Неважно, что его «монографии» имеют отдаленное отношение к науке. По его нечаянному признанию, он работает в жанре «документальной философской прозы». В книге о Сталине действительно есть отрывки из документов. Но, как известно, сами по себе документы ничего не дают. Необходим правильный их выбор, отнюдь не поиск иллюстраций к уже готовой схеме. Документы нужно объективно истолковать, сделать правильные выводы. Неясно, что нового внесла книга в историю и философию по сравнению, например, с трудами Троцкого. Как прозаик, автор на самом деле часто прибегает к предположениям, конструирует различные ситуации, мысли Сталина. Насколько это художественно, судить знатокам. Однако в книге нет ни одного существенного обобщения, которое не было бы известно мировой науке. В ней нет концепции. Сохранились старые представления о Сталине. Понятие «сталинизм» в книге не разработано. Автор считает возможным утверждать, что «культурные уродства» будто бы «играли стабилизирующую роль», способствуя укреплению «морально-политического единства» народов. В обширном интервью «Красной Звезде» 12 июня 1992 г. автор сумел обойти сталинизм молчанием. Эта тенденция ныне господствует. Сталинизм не нашел места и в пространном полумемуарном-политеоретическом сочинении Попова «Август девяносто первого», хотя оно и украшено обильно картинами прошлого. Впрочем, самого Сталина «демократ» вновь прославляет как «талантливого руководителя», который умел смотреть далеко вперед.

По поводу нечудесных превращений Волкогонова, в частности, его развязных нападок на Ленина. Каждый имеет право совершенствоваться, а значит и менять свои взгляды. Плохо, когда руководствуются при этом не наукой, а злобой дня, а изменения скоропалительны. Тем более, что во все времена к перебежчикам относятся с определенным сомнением. И, главное, научную критику того же марксизма-ленинизма нельзя подменять расправой язычников с богами своих поверженных врагов. Впрочем, так ли сильно изменился бывший армейский агитатор, а ныне начинающий ис-

торик? Никогда он не был ни ученым, ни «ортодоксальным марксистом». Раньше он приспособливался, приспособляется и ныне. Раньше он называл Ленина «великим» философом, хотя сам Ленин себя философом не считал, ныне он пишет уже о «примитивном философе». Главная его позиция, отождествление сталинизма с ленинизмом — это один из приемов реабилитации деспотии, что вполне согласуется и с убеждениями А. А. Епишева. Разве этот бывший начальник ГЛАВПУ и наставник Волкогонова не разделял пропагандистского лозунга о «великом продолжателе дела Ленина»?

Смешение исследовательского с популярным, науки с беллетристикой, концептуального с образным не ограничивается у нас публикациями лишь одного автора. Это — широко распространенный недостаток литературы о войне. Отсталость военной историографии проявилась и в том, что в формировании исторического сознания народа наука в значительной мере оттеснена мемуарной и особенно художественной литературой. По иронии судьбы антимарксистские направления во многом сомкнулись друг с другом. В сугубо агитационных целях они используют сталинистские фальсификации марксизма-ленинизма, революции. Односторонне рассматривают большевизм, ВКП(б), КПСС, советское общество вне их развития и расслоения: восхваляют в первом направлении, отвергают — во втором. И те, и другие считают, что подлинная история вселенной начинается с них, что ничего светлого не было до 1917 г. или (во втором варианте) до августа 1991 г. И те, и другие неохотно обращаются к сталинизму. Не потому ли, что в противном случае они воссоздали бы собственный портрет? Обоим направлениям свойственны беспринципность и крайности. Так, была директива ругать лишь Запад за «холодную войну». Сейчас те же авторы утверждают, что ядерная гонка будто бы осуществлялась «ради торжества безумных идей и целей Ленина — Сталина».

II

Мы исходим из того, что официальная историография, особенно военная, лишь на словах следовала марксистско-ленинской методологии. На самом деле она в течение десятилетий в основном руководствовалась сталинистскими подходами. Многие советские обществоведы не представляют себе, что в марксизме-ленинизме является непреходящей общечеловеческой ценностью, а что — ошибочно. Они про-

сто не знакомы с творчеством Маркса, Энгельса, Ленина и тем более других теоретиков социализма. Они знают его по чужим пересказам. Им неведома эволюция взглядов Маркса и Ленина. Искаженное представление возникло под влиянием того религиозного почитания, которое культивировалось сталинизмом. Так, Ленину приписали классификацию войн по их политическому характеру. В действительности, выделяя войны справедливые и несправедливые, он, несомненно, опирался на труды специалистов, в первую очередь, Жомини, разработавшего такую классификацию еще в первой половине XIX в. В уста Ленина вложили мысль Х. фон Мольтке-старшего, о том, что в современный период (вторая половина XIX в.) войны ведутся не только армиями, но и в целом народами. Естественно, Ленин несколько не нуждался в преувеличении теоретических заслуг, тем более, что генералы из своих обобщений делали охранительные выводы, а он — революционные.

В той же связи необходимо рассматривать стремление умолчать ошибочные суждения основоположников марксизма, например, о «реакционных нациях». К последним они относили, в частности чехов, ориентировавшихся в своей борьбе на Россию; настроенные же антицаристски поляки считались прогрессивными. Не восходит ли к этому и деление Сталиным наций на «агрессивные и миролюбивые»? Культивировали представление о том, что, едва коснувшись проблемы, основоположники решали ее бесповоротно и окончательно. Но честный исследователь обнаружит в их трудах ряд положений, актуальных лишь для того периода, например, тезис об абсолютном обнищании рабочих в развитых странах. Догматически перенесенный в наше время он лишь компрометировал его пропагандистов. К трудам Маркса, Энгельса, Ленина необходимо относиться, как к научным или публицистическим. Они сами любили повторять мудрые слова, чтобы их больше читали, чем почитали.

Сталин же и его группа поступили с этими трудами во многом как семинарист с катехизисом. Тем же крайним догматизмом, утилитарностью страдают и новоявленные их критики. Ю. А. Афанасьев, А. С. Ципко и др. посещали обязательные лекции тех же профессоров истории КПСС, «научного коммунизма» в АОН, ВПШ, МГУ, ЛГУ. Так же односторонни их попытки свести марксизм-ленинизм к насилию, нетерпимости, жестокости, бескомпромиссности. Те же искажения в большом и малом: переводят марксов тезис «экспро-

приация экспроприаторов» на просторечный «грабь награбленное» и объявляют это «лозунгом Октября»; доводят до абсурда ленинские слова о кухарках, могущих управлять страной. На самом деле после Ленина ею (как и общественными науками) управляют, как правило, полуобразованные люди. Но как можно обвинять его в этом?

Третировать Ленина или Маркса стало признаком хорошего тона. Н. Н. Шмелев видит в применении опыта нэпа «спасение» нынешней советской экономики. Вслед за Лениным он предлагает обеспечить частную инициативу и предпринимательство в рамках средних и мелких предприятий, дееспособность рубля, налог на крестьянина не свыше 10% объема его производства (а ныне — 30%). В то же время возникновение нэпа автор объясняет странно. Ленин будто бы «ужаснулся», увидев, «что он наворотил» («военный коммунизм»), но «к чести его опомнился перед самой своей смертью». Однако основы экономической политики, которую потом назовут «новой», Ленин провозгласил еще в начале 1918 г. в «Очередных задачах Советской власти». Лишь в связи с развязыванием гражданской войны эта власть была вынуждена принять чрезвычайные меры, неудачно названные «военным коммунизмом». Свобода слова не пошла впрок многим нашим соотечественникам. Вследствие низкой культуры они быстро перешли к вольной воле.

Авторы этих строк в течение нескольких десятилетий имели дело с зарубежными учеными, как правило, немарксистской ориентации. Независимо от их идеологии многие из них оставались высокими знатоками своего дела. Они сохраняют поныне уважение к Марксу и Ленину, как к ученым и политикам; признают методологическое значение диалектического материализма, констатируют его возрождение на Западе, в первую очередь, при рассмотрении капитализма и фашизма. Зигзаги в советской литературе привлекли внимание западных ученых. Так, на проходившей в Абердине (Англия) летом 1990 г. конференции «Троцкий 50 лет спустя» А. Ноув вскрыл недостаточную осведомленность Ципко и ряда других авторов. Он отверг, как необоснованные, отождествление Сталина и Троцкого, попытки доказать несовместимость нэпа с большевизмом. В книге «Экономика подлинного социализма» он показал подавление ростков социализма сталинизмом и раскрыл жизнеспособность социалистического идеала.

Легкий переход из одной крайности в другую объясняется не только нравственными, но и методологическими пози-

циями. Много лет работали могучие коллективы над краткими очерками истории СССР и КПСС, 10-томником о войне. Но все тщетно. Главное в том, что мы, историки, оказываемся не в состоянии прочесть заново теоретическое наследие, созданное нашими предшественниками во имя социального освобождения человека, очистить это наследие от сталинизма. Это позволило бы осуществить анализ новых реальностей и сформировать правильные политические решения, использовать это наследие в конкретных науках и практике. Будем ли мы отвергать учения, с которыми люди науки и обыватели знакомы лишь по жалким карикатурам, методологию, которая на самом деле никогда не применялась. Можно объявить исторический материализм «болтовней» (М. Мамардашвили). Нельзя, однако, пренебречь требованиями здравого смысла и морали: при изучении предмета, явления стремиться узнать все их стороны; не выдавать неполное, частичное знание за окончательное, завершённое; исходить из необходимости изучать общее и особенное в предметах, явлениях; рассматривать их в развитии и т. д.

Для многих характерно пренебрежительное отношение к теории. Это мы объясняем не только сталинистским наследием, но и нынешней вседозволенностью, что ярко проявляется, в частности, в полном понятийном произволе. Ввели термины «постсталинизм» и «неосталинизм», хотя нет еще устоявшегося определения самого сталинизма. М. С. Горбачев говорил в июле 1991 г. об «основательном анализе сталинизма». Но в проекте программы КПСС (Правда. 8 авг. 1991 г.) нет такого анализа. Этот проект — лучшая из известных нам попытка разобраться в современном советском обществе и его перспективах, преодолеть сталинизм, и тем не менее само понятие по неясной причине скрыто за терминами «тоталитарная система», «казарменный социализм», «сверхцентрализованное административное управление». Подобный подход не способствует размежеванию с теми течениями, которые нарочито отождествляют сталинизм с социализмом. Авторы заявления «За социализм, за единство коммунистов» (Правда, 1992, 8 сент.) отвергают «капитулянтский проект» программы КПСС, но также лишь вскользь упоминают о вождизме.

Весьма нестрого обращаются со словом «демократия». Ее отождествляют с антикоммунизмом. Таким образом, в рядах местных демократчиков (С. Коэн, США) оказались фашисты, монархисты, бонапартисты, клерикалы, популисты

с явными устремлениями к самовластью, шовинисты и сепаратисты, военные, готовые решать проблемы только силой, просто политические авантюристы в их современных евразийских разновидностях. Они хорошо знают, против чего они выступают, но не знают, за что. Отбросив сталинизм, точнее, то, что названо ими «коммунизмом», они оказались в некоей идейно-политической пустоте. В силу своей полуграмотности они не сумели воспользоваться западными доктринами демократизма или либерализма и обратились к обветшалым догмам раннего капитализма, фундаментального православия и ислама, национализма. Они не сумели предложить обществу более или менее определенную перспективу. Некоторые представляют демократию в виде расплывчатой слабой власти. Как будто для установления порядка и права нужна исключительно диктатура. В новых условиях такими же безнадежно размытыми представляются термины: центр, левые, правые. Пытаются сломать традиционные понятия. Сделалось ругательным слово «патриотизм». Впрочем, после разгрома СССР эта тенденция стала ослабевать. Ввели нелепые словосочетания «прогрессивный консерватизм» (есть понятие — преемственность), «цивилизованный авторитаризм» и даже «народный тоталитаризм» (Б. Г. Капустин).

Искажают понятие «революция». В мировой науке оно означает, как известно, коренной переворот в социально-экономической и политической структуре общества. В отличие от реформ он предполагает качественные и быстрые изменения. Именем революции часто прикрываются различные силы: «национальная социалистическая революция» (А. Гитлер), «консервативная революция» (Р. Рейган). Тем не менее среди ученых нет спора о том, что революции прогрессивны. Идеалом Маркса и его подлинных преемников является время, когда социальные революции перестанут быть политическими, то есть насильственными. Сталинисты же и другие антимарксисты считают, что революции немислимы без кровопролития. КПСС устами Н. С. Хрущева пыталась отмежеваться от этого обвинения и показать по существу бескровный характер Октября. Ныне это забыто. Новая пресса нарочито сводит революции к войнам, разрушениям, эпидемиям, голоду, достаточно вольно ставит в общий ряд «кровавых событий нашей истории» (1917, 1929, 1937, 1939—1945). Впрочем, революция вошла в моду, когда понадобилось оправдать антиконституционные акции новых

властей. Стали прославлять «насильственную великую августовскую буржуазно-демократическую революцию».

Широко искажаются понятия социализм-коммунизм. Являются ли они «социальными утопиями», покажет будущее. А мы обратимся к прошлому. «Реального социализма» вопреки брежневской пропаганде и паразитирующей на ней прессе никогда и нигде не было. Лишь сугубо в своекорыстных целях пишут о коммунистических мифах, идолах, чуме, угрозе, органической связи коммунизма и автократии. Ряд ученых и политиков игнорируют, что от автократии, как и других смертных грехов, не застраховано любое общество. Ей не могли противостоять никакие церкви. Тем более, что сами они, как правило, авторитарны. Ни одна из наций не избежала пагубного авторитаризма в тот или иной период развития. Лидер Социнтерна В. Брандт еще в 1978 г. осудил слепой антисоветизм, «примитивную и злонамеренную альтернативу — свобода или социализм». Социализм, демократизм, гуманизм изначально связаны. Не нужно сопровождать социализм прилагательными демократический и гуманный, как поступили авторы проекта программы КПСС. Несостоятельно также противопоставление социализму рыночных отношений, различных форм собственности, в том числе и частной. Главное требование марксистов — устранение эксплуатации, а не частной собственности.

Коммунизм, как идея общества с высокими социальными гарантиями, справедливым распределением национального богатства, без войн и насилия, возник задолго до марксизма. Теоретически он никогда не был разработан. Словосочетание ленинский план построения социализма — это миф сталинистской пропаганды. В СССР были не только провозглашены, но и закреплены конституционно и в какой-то мере осуществлялись некоторые права граждан, соответствующие идее социализма. Их неправомерно третировать как грубое уравнильство и т. п. В целом же советское общество, конечно, было далеко от социализма.

Система противостояния сталинскому «социализму» была нарочито названа антикоммунизмом. Впрочем, он толковался часто много шире. Ненависть распространялась на СССР, на русских и другие его народы, на эмигрантов из России и СССР. Так поступали фашисты, эти крайние антикоммунисты, но не только они. Искусственно расширяя базу антикоммунизма, многие советские обществоведы лили воду на мельницу крайне реакционных кругов, чьи цели действитель-

но совпадают с антикоммунизмом. Эти круги стремились объединить в сознании миллионов понятия «коммунизм» и «сталинизм». Подавляющее же большинство отечественных и зарубежных, как правило, случайных сторонников этой реакционной идеи с подлинным коммунизмом незнакомы. Они — просто жертвы пропаганды. «Коммунистическая идеология», пишет в своем послании патриарх московский, хотя по существу речь ведет о сталинизме. «События в СССР, — говорил Дж. Буш в сентябре 1991 г., явно смешивая понятия, — означают гибель коммунизма во всем мире».

Антикоммунизм не имеет ничего общего с научной критикой социализма (он враждебен марксистам и реформаторских течений). Он отвергает разумную дискуссию, разжигает истерию. Политически, идеологически и методологически антикоммунизм и сталинизм едины. Возникнув в XIX в., получив развитие в нынешнем столетии, он нанес человечеству огромный ущерб не только в духовной жизни. Он оправдывал бессмысленное растранивание громадных материальных ценностей, отвлекал человечество от подлинных актуальных задач, служил громоотводом в руках полуобразованных правителей. Зарубежный мир после поворота СССР к политике без войн и насилия начал отказываться от антикоммунизма. Не абсурдна ли в этом свете позиция новоявленных советских антикоммунистов? Во всяком случае она грозит гражданской войной.

III

Как мы представляем себе сущность сталинизма? Часть обществоведов отвергает это понятие и стоящее за ним сложное явление, считает возможным говорить лишь об отдельных отрицательных фактах 30—50-х гг., связывая их только с личностью Сталина. Также ошибочно ограничивать сталинизм культом, как поступил XX съезд КПСС. Сталинизм — это и политический режим, и экономическая система, это и методология, и образ жизни. Это — и способ руководства войной. Не все ясно с временными рамками сталинизма. Злонамеренно начинают его историю с октября 1917 г., вычеркивая из нее 1941—1945 гг., отделяют некоей стеной «эпохи» Сталина и Брежнева. Применяют формулу: с одной стороны, с другой стороны. Но сталинизм плох со всех сторон. Нельзя ставить знак равенства между ним и советским народом. С 1917 г. и вплоть до наших дней не прекращается борьба прогрессивных и реакционных начал. Сталин и его

группа, особенно в то время, когда их интересы совпадали с народными, например, во время войны, пытались способствовать первым из названных тенденций. Они, естественно, не становились вследствие этого революционерами, а сталинизм не превращался в социализм.

Было бы нестрого называть сталинизм «сталинщиной». Явления, обычно обозначаемые словами с таким суффиксом (аракчеевщина, колчаковщина), не обладают устойчивостью, не имеют собственной развитой системы, охватывающей все сферы общества. Сталинизм же оказался весьма живучим. Чем это можно объяснить? Он паразитировал на переходе от старого капиталистического к новому социалистическому строю. Сталинизм широко эксплуатировал энтузиазм народа, активно включившегося в социальное творчество. Он искусно прикрывал себя девизом «Сталин — это Ленин сегодня». Обожествление Ленина было составной частью культа Сталина. Это широко используется современными противниками Ленина. Пропаганда успешно выдавала корыстные интересы диктатора и его группы за классовые, государственные, их преступления — за историческую закономерность. Эффективно внедрялся в умы и сердца миллионов миф о «великом вожде», будто бы обеспечившем их счастье. Сталинизм держался на страхе и иллюзиях. Широко использовались не только реальные успехи страны, но и осуществляемые в обманном целях парады и зрелища, наземные и подземные дворцы и парки — при общей нищете большинства населения.

Каковы основные черты сталинизма? Политика — главная его функция. Сталин и его приверженцы использовали в антинародных целях положение марксизма-ленинизма о роли сознательного в становлении нового строя. За фасадом диктатуры пролетариата была вполне целенаправленно создана неограниченная личная власть. Политика, преимущественно в самых грубых насильственных ее формах, пронизывала всю страну. Были огосударствлены общество и человек, сформирован административный аппарат, подвластный лишь диктатору и служивший ему главной опорой. Режим отличался ярко выраженным противоправным характером. Карательные органы осуществляли массовые репрессии в целях упрочения единовластия, а также для пополнения трудовых ресурсов ГУЛАГа, чьи предприятия занимали видное место в экономике. Массовый террор, обесценение человеческой жизни были непременным низменным свой-

ством режима 30-х — начала 50-х гг., а не «трагическим апогеем сталинизма», как полагают. Для антигуманной политики характерны разрыв с наукой и нравственностью, авантюризм. Политизации неизменно сопутствовала милитаризация общества. В той или иной мере ею были поражены сознание, наука, образование, культура, экономика.

Другой чертой сталинизма было примитивное идеологизирование всей жизни от экономики до культуры и брачных отношений, в том числе агрессивный атеизм, попытки уничтожить историческую память народов, полная нетерпимость к инакомыслящим, губительная система монополий в промышленности, сельском хозяйстве, науке, духовной жизни. Все это в сочетании с культом обусловило многочисленные отступления от разумного, нелепые извращения в общественных отношениях. Прощетали полуобразованность и просто безграмотность, шли гонения на интеллигенцию. «Вождь», его окружение, их преемники невежественно вмешивались в различные отрасли науки, последние на долгие годы прекращали развитие. Культура развивалась чрезвычайно противоречиво, происходило ее «усреднение», по существу — упадок. Сталинизм — это атмосфера все усиливающегося страха, духовное закрепощение человека, подчинение его воле диктатора и его ставленников, воспитание трусости, подозрительности, доносительства, угодничества, лицемерия, стремление уничтожить человеческое достоинство; воровство и пьянство. Сталинизм — это обман на государственном уровне (ложь об «изменниках родины», об итогах пятилеток и переписи населения, искажения истории и др.).

В области экономической было осуществлено отчуждение тружеников от собственности и результатов труда, насаждены уже осужденные опытом негодные методы хозяйствования. Предельно централизованная, бюрократическая собственность подавила интерес к эффективному труду, породила расхищение людских и природных сил, иждивенчество — привычку получать не создавая, социальную несправедливость, уравниловку и одновременно привилегии, подкуп и другие хищения. Хозяйство носило экстенсивный характер, что в первые годы, может быть, в определенной мере и было оправдано, однако Сталин и позднее не пытался избавиться от правила: числом, а не умением.

Сталинизм — это попрание ленинской национальной политики. Он пренебрегал насущными потребностями народов, недооценивал их особенности. Под флагом общегосударст-

венных интересов возобладал унитаризм. К обострению национальных противоречий привело насильственное переселение целых народов. Росту национального самосознания мешали установки на ускоренное сближение наций, утверждение о якобы полной и окончательной решенности национального вопроса. Тем не менее мы не можем принять распространное утверждение об СССР как «империи». Его агитационное назначение — оправдать развал СССР. По сути же своей это утверждение, как и выхваченные из сочинений Ленина слова о «тюрьме народов», по крайней мере, нужно еще доказать.

Как совместить с тезисом об «империи», например, такие факты. Ни при царе, ни при «вождях» в стране не было расизма или геноцида. Российская, как и советская «метрополия», отставала по уровню жизни от многих «своих колоний». При Сталине и его преемниках коренные русские земли вообще были разорены. Россией и особенно СССР часто правили представители «колоний» (немцы, евреи, грузины, армяне, украинцы). Большая часть советских маршалов и генералов были украинцы. Можно ли допустить мысль о том, чтобы английский трон занял индеец, а пост президента США — индеец? Какая из действительных империй отличалась таким всесторонним и тесным сотрудничеством народов? Где такое количество смешанных семей? Где десятки миллионов представителей «метрополии» заняты непрестижными профессиями? Какая империя оставила после себя десятки миллионов своих людей на положении изгоев? Характерно, что британская и французская империи перестали существовать в полном соответствии с мнением большинства господствующих наций. В Беловежской же пуше с этим мнением никто не считался. Вопреки сталинизму в СССР была юридически оформлена многонациональная федерация. Не только в союзных, но и автономных республиках была своя государственность. Автономные области и округа были напрямую представлены в ВС СССР. Несмотря на все искажения в системе двуязычия, изучение русского в национальных школах имело положительное значение. Понятный аппарат многих языков мог обслуживать лишь начальное образование.

Сталинизм на международной арене — это игнорирование общечеловеческих интересов и извращение классового подхода; неадекватная оценка мирового развития, в частности фашистской формы империализма, ложное представ-

ление о средних слоях, вредная посылка о неизбежности мировой войны и утрата перспективы предотвратить войну. Это — политическая и хозяйственная самоизоляция, гегемонизм и экспорт насилия и террора. Сталинизм в мировом освободительном движении — это упущенные возможности создать единый народный фронт против фашизма, стремление установить диктат над Коминтерном и компартиями, неумное и вредное восхваление советского опыта, всего «своего» и принижение всего «чужого».

Сталинизм означает отказ от научной методологии обществоведения вообще и историографии в частности; лишение ее главной социальной функции. Она перестала изучать опыт прошлого, извлекать уроки из истории, стала служанкой пропаганды. Созданная Сталиным и его группой система освещения прошлого сыграла значительную роль в укреплении режима. Они прямо или косвенно навязывали свои примитивные трактовки истории. Но историки не были лишь пассивным объектом чужих действий. Околонаучная номенклатура была под стать партийно-государственной. В АН были законсервированы антидемократические, по существу феодальные традиции. Издательствам вменили контрольные обязанности. Типичным для режима учреждением была глубоко бюрократическая ВАК. Некомпетентность проявлялась и в пренебрежительном отношении к мировой науке. Лишь три процента обществоведов владели иностранными языками. Запрещалось исследование исторических альтернатив, без чего немыслима историография как учительница жизни. Для освещения прошлого были характерны эклектичность, антитеоретичность (фактографизм, пренебрежение к источнику и др.), догматизм, односторонность, упрощенство; среди идеологически обусловленных подходов — персонификация, националистические извращения, вульгарное социологизирование, апологетика, нигилизм (см.: История и сталинизм. М., 1991. С. 382—446).

Сталинизм деформировал ВКП(б) и другие общественные организации. Демократический централизм был превращен в бюрократический, организации и члены — в простых исполнителей. Это относится и к большинству коммунистов-руководителей. «Вождю» нужны были не соратники, а подчиненные. Ныне часто звучат бездоказательные суждения о «безграничной диктатуре КПСС», партии (в целом!), которая «обирала страну», была концлагерем, казармой. Не стремится ли правящая ныне группа бывших секретарей,

возложив ответственность на всю партию, оправдать себя? По мнению авторов проекта программы КПСС, «партия превратилась во многом в рычаг сверхцентрализованного административного управления обществом». «К минимуму была сведена возможность... влияния рядовых коммунистов на выработку реальной и эффективной политики».

Естественно, партийцы в большей степени, чем беспартийные, ответственны за то, что позволили Сталину и его преемникам предать идеалы социализма, демократии, гуманизма. И тем не менее нельзя требовать от них, как от членов нормальной демократической партии. По меньшей мере с 1930 г. ВКП(б) перестала быть таковой. Ее номенклатура не «во многом», а полностью слилась с государством. Возможности же рядовых (99,7 процента от состава партии) влиять на политику были сведены не «к минимуму», а к нулю. Эти авторы следуют старым штампам: «единство партии, ее сплоченность вокруг ленинского ЦК, великого Сталина», «равные права и обязанности всех членов партии» и др.

По мнению А. Г. Авторханова, само понятие «КПСС как ведущая и направляющая сила» есть чистейшая фикция. Такой силой был «секретарский корпус». Существовали единоподдержавный властитель или небольшая группа лидеров, которые бесконтрольно управляли партией, как и народом в целом. Был аппарат, но также далеко не однородный, от членов ЦК до машинисток. В нем также отнюдь не было демократии. Централизация, единоначалие, жесткая подчиненность, секретность там были доведены до предела. Близкое к аппарату место в иерархии занимали руководители различных ведомств. И было громадное большинство членов партии, как правило, лучших рабочих, крестьян, служащих. Значительная их часть коммунистами были лишь по названию. Они платили взносы, присутствовали на собраниях. Определенная часть партийцев на самом деле были истинными приверженцами прогрессивных идей. В партии и обществе высокое и низкое, доброе и злое причудливо соединилось. Социалистическая маска сталинизма играла положительную роль в той мере, что честные люди могли опираться на официально провозглашенные гуманные лозунги. Ссылки на взносы членов и кандидатов партии несостоятельны. Партийно-государственная бюрократия бесконтрольно распоряжалась не только партийными взносами, но и всеми налогами, всем бюджетом: В. Е. Максимов существен-

но дополнил известное изречение «народ достоин своих правителей» — если он выбирал их. В СССР правителей не выбирали ни партийцы, ни беспартийные.

Несостоятельны нападки и на большевизм. С. Н. Алексеев без доказательств нашел в нем «корень наших бед», «явление антиправовое». Даже новая (после августовского запрета) «Правда» призывает «излечиться от большевизма». Однако, все это, по меньшей мере, нестрого. О ком идет речь? О большевиках 1903—1917 гг. или действовавших в блоке с другими социалистами в октябре 1917 — июле 1918 гг., сторонниках Ленина или его оппонентах в РКП(б) периода гражданской войны или нэпа. В 30-е гг. большевики вообще исчезли с политической арены, большая их часть была уничтожена или изолирована, остальные переродились или, оставаясь в партии, перешли к тактике малых дел. Неспособность или нежелание увидеть неоднородность и развитие большевизма характеризуют профессиональный и нравственный уровень оппонентов.

Ограничение демократии в партии и в стране программой РКП(б) рассматривалось как временное. В 30-е же гг. демократия осталась лишь на словах. Изменилась партийная этика. В первые годы был «партмаксимум» — доходы членов партии не должны были превышать установленного уровня. Впоследствии вплоть до наших дней привилегии властей стали нормой. Изменилось само представление о партийности. 10 декабря 1922 г. будущую жену Сталина Н. С. Аллилуеву исключили из РКП(б), как «совершенно не интересующуюся партийной жизнью». В 1939 г. суровый критик революции Г. П. Федотов писал: «коммунизма в России нет, а партия сохранила от коммунизма только имя». О названии партии. В апрельских тезисах Ленин предлагал переменить его. Вместо «социал-демократии», многие вожди которой предали социализм, «надо назваться Коммунистической партией». Это соответствовало и партийным целям, которые на деле оказались более далекими и трудно достижимыми. Кроме того, начиная с 30-х гг., слово «коммунистическая» служило маскировкой антинародного режима. Ныне тем, кто, не отказываясь от идеалов КПСС, пытается создать новую партию, едва ли следует сохранять ее прежнее название.

Почему секретарский корпус КПСС в августе 1991 г. так легко уступил власть? На наш взгляд, в большинстве своем секретари были слабыми политиками. Не умея вести теоре-

тические споры, они читали свои речи и доклады по чужим бумажкам. Лишенные инициативы, они ждали приказа. Убежденным борцам за идею среди них противостояли карьеристы, стяжатели, проходимцы. Их устраивал любой строй. Из номенклатуры вышли инициаторы перестройки и новые антимарксисты, комедианты вроде М. А. Захарова, который даже свой партбилет не смог сжечь без публики. ЦК в дни путча был парализован, его деятельность была без труда приостановлена. Это было осуществлено волевыми решениями тех же секретарей, успевших до того выйти из КПСС или нет. Поразителен их быстрый отказ от интернационализма и разъезд по национальным квартирам. По оценке И. И. Лаптева, к августу 1991 г. в стране возникло 40—50 компартий. Это тем более трудно воспринять, что в современном мире господствуют противоположные — мощные центроостремительные движения, в политической, экономической, культурной жизни (ООН и НАТО, «семерка» и объединение западноевропейских государств, объединения в Азии, Америке, Африке). Секретари вместе с той гигантской системой научных учреждений, которыми они распоряжались, повинны в том, что они не подготовили кадры, способные возглавить перестройку партии и общества, осуществить реформы, которые стучались во все двери, по крайней мере, начиная с первых послевоенных лет. Все великие революции и реформы удавались главным образом потому, что они были хорошо подготовлены теоретически и идеологически. Такой подготовкой не обладали ни реформаторы из КПСС, ни их оппоненты внутри и вне партии.

Запрет КПСС мог быть осуществлен исключительно в судебном порядке. Многие акции исходят из противоправного принципа коллективной ответственности ни в чем не повинных граждан, членов партии за поступки отдельных лиц, действовавших втайне. Напомним, что численность КПСС доходила до 20 млн. Всего за время существования в ней состояло примерно 40 млн. человек. К ней так или иначе примыкали еще несколько десятков миллионов. Широкая кампания «КПСС — под суд!» грубо противоречит международному праву. Наши оппоненты обращаются в этой связи к Нюрнбергскому процессу. Поступим так же и мы. В апреле 1945 г. Сталин издал директиву «Об изменении отношения к немцам». В ней проводилась верная мысль: привлекать к ответственности не немцев и даже не членов НСДАП (около 18 млн.), а лиц, ответственных за опреде-

лённые злодеяния. В Нюрнберге советские представители отступили от этого принципа, потребовав признать преступным, в частности, генеральный штаб Германии в целом. Международный военный трибунал не принял этого предложения. Как подтвердили и новые данные, не все офицеры штаба были преступниками, которых нужно было карать уже за одну принадлежность к нему.

Итак, сталинизм — это антиленинизм в теории и практике, сохранивший ложную коммунистическую оболочку. Это — контрреволюционная авторитарная система, охватывшая экономику, политику, идеологию, культуру, науку, повседневную жизнь людей, военное дело, другие стороны общественной жизни. Сталинизм — это прикрытая пропагандой узурпация власти. Сталинизм — это не социализм, поскольку «социализм — без свободы — это рабство» (М. И. Бакунин), поскольку «социализм не есть дело одного только пролетариата, но всего человечества» (К. Каутский). Вопреки всем декларациям нельзя признать социалистической страну, в которой не было правового государства, не соответствовали идеалам социализма уровень жизни, степень социальной защищенности, мера заинтересованности человека в результатах своего труда.

IV

Суждения об истоках сталинизма также весьма различны. Многие авторы повторяют тезис Н. Н. Суханова о том, что Россия не достигла такого развития производительных сил, при котором возможен социализм. Однако в стране были предпосылки для любой формации. Ленин, его единомышленники и не стремились немедленно переходить к новому строю. Красной нитью через многие их труды проходит мысль о постепенности всех преобразований. Это Сталин писал о «введении» социализма как «непосредственной задаче». Ленин же отвергал такую установку уже в апрельских тезисах. Октябрь в первую очередь решал общедемократические задачи, не реализованные Февралем: мир, свобода, земля. Он установил вначале не диктатуру пролетариата, а власть рабочих и крестьян. Введение чрезвычайных мер в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции нельзя истолковать как немедленный переход к социализму.

В последние годы много сказано о российской специфике, будто бы предопределившей сталинизм. Естественно, каж-

дая страна, каждый народ — неповторимы. Но тема эта чрезвычайно деликатна, сложна и менее других изучена. Тем не менее пишут, как об установленном факте, о «неистребимой тяге русских к концентрации власти», роковой склонности их к рабству, «легковерии». В действительности в этом можно упрекнуть любой народ. Даже англичане, которые в течение столетий не знали тиранов, «легковерно» позволили втянуть себя в «ненужные» вторую мировую и «холодную» войны. Заимствуют у Н. А. Бердяева: марксизм преуспел в России, соединившись «с мечтой о мессианской роли в мировом масштабе». А как быть со странами, где марксизм также получил распространение, но которые свободны от такой мечты? И как объяснить, что ряд стран не только мечтали, но и агрессивно насаждали свое «мессианство», однако без какого-либо участия марксизма?

Появились специальные публикации о «русской специфике». Т. Маде (Эстония) выводит сталинизм из русского характера. Его книга скорее всего представляет собой злонамеренную подборку высказываний писателей, публицистов о русской культуре, которая в течение веков якобы никак не может «дозреть до взрослого состояния». Тема специфики позволяет некоторым авторам, в том числе из «Нового времени», высказать не самые лучшие свои чувства по отношению к русским. У русских «несбыточные мечты о порядке», и только в России понятные вещи могут доводить до абсурда, вся ее жизнь — это сплошные катаклизмы. Мы легко допустим, что сталинизм воспользовался какими-то особенностями русского и других народов. Может быть, он даже усилил какие-то черты, например, долготерпение. Такое качество, очевидно, не без успеха в течение многих веков воспитывали православная и иные церкви. Его, несомненно, эксплуатировали и продолжают нещадно эксплуатировать разные власти, от первой до четвертой. Но история выковала в народах России не только терпение, но и человечность, но и чувства взаимной помощи, социальной справедливости. Поверхностная пропаганда не может преодолеть вековых традиций. Большинство населения страны, склонно, например, к коллективным формам собственности, а слово «капиталист» вызывает в массовом сознании образ хищника. Однако в целом проблема «возникновение сталинизма и национальные особенности народов СССР», несомненно, должна быть тщательно изучена. Особо должны быть исследованы будто бы специфически русские проблемы антидемо-

кратизма и анархизма (А. Н. Яковлев). Не забыть бы при этом и такие явления русской истории, как община, сельский сход, вече, собор, земство, дума, советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов?

Ряд авторов относят сталинизму место рядом с нечаевщиной в «крайне левом крыле» освободительного движения. Но разве революционная Россия не отреклась от нечаевщины с ее аморальными принципами? Разве сталинизм не успел показать себя настолько, что ныне ни один из ученых не смешает его с революцией? Кроме того, подлинная история знает также декабристов и А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и И. П. Каляева. Их порядочность высоко оценена Лениным. В прошлом России, как и любой другой страны, были разные традиции. Почему же Сталин избрал сплошь темные?

О «доктринальном истоке» сталинизма. Ни одна из доктрин не может быть совершенной. В то же время уже были отвергнуты попытки обвинить в преступлениях гитлеризма в числе прочих Ф. Ницше и О. Шпенглера. Интересно, обвинял ли кто-либо Иисуса Христа в злодеяниях крестоносцев, инквизиции, Варфоломеевской ночи? Так или иначе, ни одно учение не несет ответственности за действия людей, назвавших себя его последователями. Маркс и Ленин не имеют отношения к преступлениям политиков, изображавших себя социалистами. Следует беспристрастно изучить, что хотел и сумел воспринять Сталин из учения, и, что извратил или просто отверг. Лишь после этого можно будет судить, оказался ли сталинизм осуществлением революционной доктрины или контрреволюционным перерождением. Известные факты побуждают нас склоняться ко второму выводу.

Новые антикоммунисты преувеличивают разрушительную сторону революции в ущерб творческим ее задачам, вопреки духу марксизма и главному направлению деятельности Ленина и его единомышленников. Опубликование сведений о преступлениях сталинизма создало почву для фабрикации ложных мнений, тем более, что проблема «марксизм и насилие» не изучена. Провозглашенные Марксом цели тенденциозно сводят к средствам их достижения. Так, диктатура пролетариата не составляет суть марксизма, она мыслилась лишь во время перехода к новому обществу.

Новые критики бросились к неопубликованным заметкам, запискам, телеграммам Ленина, которые, по мнению цензуры, его компрометировали. Вырванные из целого, лишены

ные объективных пояснений, они на самом деле могут произвести впечатление на мещанина. Они не способны, однако, ниспровергнуть ленинизм в целом. Так, Волкогоновы и другие предано забвению обоснование Лениным основных целей диктатуры пролетариата. Уже в марте — апреле 1918 г. на первый план он решительно выдвигает как «главную задачу» всякой социалистической революции ее «положительную или созидательную работу», возможную «только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения». Подчеркнем, что эти мысли высказаны в «Очередных задачах Советской власти». Кровавого опыта гражданской войны еще не было, до «политического завещания» оставалось еще 5 лет. Игнорируют и то обстоятельство, что Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали способность капиталистического общества к самообновлению, совсем не обязательно связанному с насилием.

Мы не разделяем и новейшего суждения Горбачева: Ленин «для меня не кумир». Как будто бы кто-то подозревает бывшего генсека в идолопоклонничестве. Считая Ленина «частью общемировой культуры», автор тем не менее утверждает, что он «действовал в русле ограниченной классовой идеологии». Не следует ли сначала спокойно изучить, так ли уж плоха «классовая идеология»? Разве она не отражала реальную жизнь и не научила богатых, по меньшей мере, в развитых странах, считаться с бедными? Был ли Ленин «ограничен» каким-то «руслom»? Разве в его словах и делах идеология бедных не была органически связана с общечеловеческими ценностями? Может быть, автор знает другой «мощнейший интеллект» начала XX в., который глубже Ленина понимал общечеловеческое? Автору явно симпатична нэп, но по непонятным причинам он видит в ней «исправление» почему-то не названных им «многих трагических шагов» Ленина.

Явно увлекаясь, оппоненты утверждают, что насилие никогда не может быть повивальной бабкой нового. Но как поступить с гигантским опытом человечества, который свидетельствует о противоположном? Дело историков — не затушевывать этот факт, а изучать, всегда ли мера этого насилия оправдывалась условиями борьбы, возможно ли решение социальных проблем вообще без насилия. А наиболее кровавые мировые войны? Их опыт не был исключительно отрицательным. Первая из них поставила проблему предотвращения новой бойни, привела к краху реакционных импе-

рий, мир сделал шаг к демократизации. Вторая именно силой восстановила попранную фашизмом независимость десятков стран. Его военный разгром predetermined либеральный путь развития капитализма, в последующем он претерпел в развитых странах прогрессивные изменения.

Из многих партий России критики только большевиков обвиняют в развязывании гражданской войны. Но кто изучил это? До каких пор будут начальственно вещать, а не исследовать? Раньше писали исключительно о белом терроре, ныне — также исключительно — о красном. А был ли террор других цветов? Как они соотносились друг с другом? Почему забыт белый террор, например, приказ Л. Г. Корнилова (зима 1918) «пленных не брать»? Методы доказательства, предложенные оппонентами, не могут быть приняты. Так, осуществленная О. В. Волобуевым публикация ленинского письма меньшевику Н. А. Рожкову нарочито названа «Без гражданской войны нигде не обойтись» (Ленин о германской революции). На самом же деле содержание письма выражено в словах: «надеюсь на сближение (с меньшевиками! — Авт.), благодаря общей фактической почве советской работы». Насколько изучены мирный выбор в России, ответственность за гражданскую войну и иностранную интервенцию? Консерваторы, зарубежные и местные, не любят вспоминать это вторжение. Когда началась гражданская война? Летом 1918 г., в Октябре, в момент корниловского мятежа, расстрела июльской демонстрации или Феврале? Специалисты еще спорят. А хлестаковым уже все ясно...

Тезис о «жестокости» распространяется в самых различных вариантах. В 1990—1992 гг. пресса отдала дань моде, публикуя сведения о казни бывшего императора и его семьи. Сам этот факт в истории революций не был чем-то из ряда вон выходящим, тем более, что шла гражданская война. Поражает выбор сюжета. Разве не более важна, в частности, такая тема: ответственность российского двора и его «продажного орудия» (Л. Фишер) — православной иерархии за первую мировую войну (за убийство миллионов людей!), за революционную ситуацию и гражданскую войну? Давно установлено: революции делают не революционеры, а консерваторы, препятствующие реформам. По П. Б. Струве, «главным преступлением старой власти является именно то, что она подготовила эту революцию и сделала ее неизбежной». Считающие себя демократами могли бы обратиться и к таким трагическим страницам истории народа, как

Ходыньское поле, Кровавое воскресенье, виселицы 1905—1907 гг., расстрел на Лене, война 1904—1905 гг.

Неисторично выводить сталинизм из большевизма и изображать (вслед за Сталиным) большевизм застывшим и единым, а Ленина — «единоличным властителем», будто бы ответственным за все происшедшее после Октября. Большевизм был живым и в высшей степени динамичным, ему была свойственна постоянная борьба мнений. В ЦК РКП(б) не прекращались дискуссии по поводу Временного правительства и Советов, мира с Германией, общечеловеческой культуры и старых специалистов в армии и народном хозяйстве, в частности, национального вопроса, крестьянства, нэпа, мирового революционного движения и сосуществования, внешней торговли и концессий. В центре внимания было и соотношение ненасильственных и насильственных методов. Отнюдь не считая деятельность Ленина сплошь безупречной, мы не можем забыть, что он, естественно, был просто не в состоянии охватить все. Большую часть времени в 1917—1924 гг. он болел. Чтобы отстаять свою точку зрения, ему приходилось иногда идти против большинства членов ЦК, допускать компромиссы. В том или ином решении, подписанном Лениным, далеко не всегда выражено его личное мнение. Не говоря уже о том, что многое искажалось исполнителями. Как показал недавно Ю. А. Буранов, даже знаменитое письмо съезду было «отредактировано» Сталиным.

Часть большевиков, несомненно, отличались экстремизмом. Таковы Сталин и его группа. Большевистское правительство, например, в борьбе с голодом часто прибегало к террору. Можно ли, однако, на этом основании приписать большевизму в целом приверженность к крайним взглядам и мерам? Его моральные принципы Ленин выразил так: «в нашем идеале нет места насилию над людьми; слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян». Требовать в условиях России 1914—1922 гг. соблюдения безупречного принципа «не убий!» едва ли позволительно. Даже спустя 70 лет не удалось построить мир без насилия. И в нынешнее сравнительно благополучное время по-прежнему добро и право вынуждено подчас защищаться с оружием в руках. Неразумно отождествлять террор 1918—1922 гг. и преступления Сталина. Одно дело — открытое столкновение двух вооруженных сторон, другое — тайное убийство людей, обманутых, невинных, безоруж-

ных, как правило, не оказывавших даже сопротивления.

Критики своекорыстно перекидывают мост непосредственно от Сталина к Марксу: «Сталинизм есть плата за экономический утопизм марксизма». Допустим на минуту, что такой «утопизм» был. Но после Маркса был Ленин с его нэпом, его требованием поставить на первое место именно экономический интерес, «соразмерять заработок с общими итогами выработки продукта», «с общими итогами работы фабрики». Разве не Ленин, осуждая идеологизирование экономики, коммунистическое чванство, решительно призывал уже весной 1918 г. «перенять все ценное из завоеваний науки и техники»; отвергал «левое ребячество» в экономике: «мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили, наломали, чем успели подсчитать». «Задачи социального строительства требуют упорной продолжительной работы и соответственных знаний... Едва ли и ближайшее будущее поколение, более развитое, сделает полный переход к социализму», — подчеркивал Ленин.

Сталиным и его группой, естественно, были использованы различные объективные внутренние и внешние факторы. Формируя культ личности, они, в частности, апеллировали к царистским и религиозным традициям, невысокой культуре большей части населения. Используя недостаточную разработанность программы преобразований, неразвитое сознание не только трудящихся, но и большинства членов самой партии, они формировали убогое представление о социализме; играли на революционном нетерпении, уравнилельных настроениях масс. Партия была сильно ослаблена: во время гражданской войны она потеряла многих кадровых революционеров. Ленин как теоретик и политик был на несколько голов выше других руководителей. Не только в России, но и во всемирном рабочем движении никто не мог сравниться с ним. В этом была и сила, и слабость РКП(б). С его уходом никто не мог заменить этого лидера. Начавшаяся еще при Ленине внутривнутрипартийная борьба после его смерти резко обострилась.

Вообще в период революций роль партий и их лидеров усиливается. В конкретных же условиях России — военно-политический крах всех оппозиционных партий, однопартийная система — эта роль выросла многократно. В развернувшемся соперничестве, по словам Мао Цзэ дуня, необразованные победили образованных. Это означало также победу безнравственности и произвола над моралью и правом. Ста-

лин не был отягощен какими-либо нормами. Это был «горец, не тронутый Европой» (Фишер). Сильнейшим его оружием была крайняя неразборчивость в средствах. Нельзя принять суждение: Сталина «двигала наверх старая гвардия». Его успех в большой мере объясняется именно тем, что ему удалось расколоть руководителей РКП(б), а затем уничтожить. Было ликвидировано три состава ЦК.

Не отвергая определенного значения того или иного реального фактора, на первое место мы ставим личность Сталина. «Вождь» не был создан системой, ее тогда просто не было. Этим, впрочем, и воспользовался Сталин. Работая в РКИ, Наркомнаце, Секретариате ЦК, он хорошо разбирался в обстановке внутри партии и страны. «Капиталистическое окружение» СССР он и его группа преднамеренно представляли как однозначно враждебное. Одним из главных тезисов их пропаганды было утверждение о постоянно усиливающейся антисоветской агрессивности. Так пытались оправдать усиление единовластия и сверхцентрализацию, репрессии и резкое ухудшение жизни. Эта мысль красной нитью прошла через «Сто сорок бесед с Молотовым» (1991), вопреки желанию бывшего «второго лица» в государстве и записавшего их литератора.

Тезис о Сталине как главном источнике контрреволюционного «великого перелома» 1929 г. вызывает протест в обоих антимарксистских направлениях. Те и другие опираются на представления самого «вождя», фактически сбрасывавшего со счетов все другие факторы развития, кроме социально-экономического. Однако, по Марксу и Ленину, этот фактор был определяющим лишь в конечном счете. В отдельные периоды истории, в отдельных странах могут играть такую роль и другие факторы, в том числе и личность. Свойства главного создателя сталинизма не могли не оставить и действительно оставили глубокий след. Нельзя разделить мнение о «сложной, далеко не однозначной» его фигуре. Сталин — это достаточно цельная натура. Он не обладал «громаднейшим государственным умом», как пытаются представить. Но у него нельзя отнять исключительную хитрость, понимание текущего момента. Едва ли он обладал даром предвидения, без чего немислим руководителем столь высокого ранга. Признавая лишь собственное мнение и опыт, он заранее обрекал страну на бедствия.

«Вождь» не внес ничего нового в марксистско-ленинскую теорию. Он не стал ее классиком, его работы в какой-то ме-

ре отражают марксизм-ленинизм. Однако они изобилуют заблуждениями и искажениями. Многое из того, что приписывается Сталину, является заимствованием. Он бесцеремонно крал у лиц, объявленных им «врагами народа», например, у Г. Е. Зиновьева — тезис о фашизме, социал-демократизме, пацифизме, основу политики по отношению к крестьянству. Идеи подталкивания мировой революции, милитаризации общества — у Л. Д. Троцкого. Сталинская система управления не только безнравственна, антигуманна, но и нерациональна. Многие решения и деяния «вождя» и его группы были неразумны. Таковы возвращение крестьянства в крепостное состояние, широкое применение крайне невыгодного принудительного труда. При окостенелом складе ума Сталину не дано было понять, что развитие человечества нельзя повернуть вспять.

Некоторые историки и мемуаристы стремятся найти в названной системе положительные черты. Однако для обеспечения порядка и ответственности, сосредоточения сил нации во имя достижения определенных целей совсем не обязательна такая система. Зачем расстреливать руководителей города для того, чтобы очистить от снега зимнюю Москву, как советует ныне В. М. Бережков? Нужна ли третья мировая война для стимулирования нового технического прогресса? Широко известно, между тем, что в чрезвычайных условиях «великой депрессии» 1929—1933 и войны 1939—1945 гг. Ф. Рузвельт и его соратники осуществили крупнейшие программы, например, освоение бассейна реки Теннесси, создание атомной бомбы, без диктатуры, не ввергая свой народ в бедствия.

Многие просчеты Сталина не связаны с его неспособностью к долгосрочному прогнозу. В этом случае они, может быть, были бы простительны: не каждый рождается гением. Таково насаждение монополизма. Его гибельность была понятна еще в конце прошлого века. Всякая монополия ведет к застою и загниванию, поскольку она исключает инициативу и состязательность. Это было доступно современникам Сталина — Ленину, тому же Рузвельту, осуществившему антитрестовские законы; Гитлеру, сохранившему в Германии все виды собственности. Ограниченностью ума Сталина необходимо объяснить его враждебность к реформам, преклонение перед количеством тонн, кубометров, гигантоманию. Создание промышленности за счет разрушения сельского хозяйства было абсурдным. «Валовое мышление воз-

дя» проявилось и в отчетном докладе ЦК XVIII съезду партии, в речи на собрании избирателей (1946). Дальнейшее развитие страны он связывал в первую очередь с количественным ростом базовых отраслей. «Великая программа вождя» превышена в десять и более раз. СССР добыл 624 млн. т нефти, США — 455 (1988). Однако его экономическое отставание далеко не преодолено. В основе современной нелепости — при самом крупном производстве металла в мире СССР завозит в большом объеме трубы и прокат — лежит тот же подход. Скандальной была налоговая политика Сталина. В послевоенные годы она уничтожила большую часть садов, коров. Крестьяне и жители пригородов вынуждены были переходить к разведению коз, названных «сталинскими коровами».

Человек, считавший себя мастером диалектики, не мог понять, что при таких подходах количество не перейдет в качество. Он не заметил приближения научно-технической и технологической революций, недооценил способностей капитализма приспособиться к новым условиям, не понял укоренения государственно-монополистического капитализма в развитых странах, бурного роста их производительных сил под воздействием НТР. Преемники не были дальновиднее. До последних лет в СССР интенсификация вопреки Ленину отвергалась начисто. Сталинизм породил принципы «любой ценой», «чем дороже, тем лучше».

В значительной степени вследствие непримиримого провинциализма Сталина и его группы возникли антимарксистское противопоставление классового, национального общечеловеческому; отрицание экономических законов, свойственных всем социально-экономическим формациям; пренебрежение признанными во всем мире моралью и правом; рассмотрение отечественной истории в отрыве от всеобщей; закрытый характер советского общества и отставание его по многим показателям современной цивилизации; угроза скатывания на периферию мирового развития. Провинциализм — понятие не географическое, а социальное. Иные жители столиц более провинциальны, чем население окраин. Такой образ мышления отличается не только отсталостью, простоватостью, наивностью, но и подражательством, скованностью, ограниченностью и узостью. Боязнь показаться провинциалом — также проявление этого свойства. Провинциализм, как и сектантство, обусловлены ограниченностью не только в политическом, но и интеллектуальном смысле слова.

Все это предопределило неудачи и во внешней политике. Сталин и его окружение упорно следовали нормам, ошибочность которых была очевидна многим современникам. «Я возражаю против этой упрощенной классификации человечества на бедных и богатых», «ваш примитивный антагонизм классовый борьбы» — «нонсенс»; «большой корабль — человечество, а не класс», — сказал Сталину Г. Уэллс во время их беседы в 1934 г. Октябрь и развитие СССР многому научили буржуа. Сталин и его советники не заметили этого. В мире все более усиливалась поляризация сил, миролюбивых демократических, с одной стороны, милитаристских фашистских — с другой. Стал возможным и крайне необходимым народный фронт. Не заметили и этого. Оказался недостаточным и авторитетный анализ мирового развития VII конгрессом Коминтерна (1935). Пошли на соглашение с Германией, тщетно пытаясь предотвратить агрессию лишь против СССР, тогда как основную тенденцию в развитии капиталистического мира определяли не агрессивные, а миролюбивые фракции буржуазии.

Одномерное мышление Сталина и его группы обусловило их практику и в военном деле. У Ленина и некоторых его современников созрел вывод о том, что в новых условиях война как средство политики становится недопустимой. Сталину не дано было понять это. В его сознании ничего не изменилось и после второй мировой войны. Как известно, она означала в первую очередь провал попыток партии Гитлера добиться своих целей военными средствами. Не изменило убеждений Сталина появление принципиально нового оружия. И после всего этого «вождь» и его преемники пытались использовать давление, например, во время берлинского кризиса (1948), и даже военные средства (в ГДР, Венгрии, ЧССР, Афганистане). Экстенсивный принцип был распространен и на армию. Длительное время считали: чем она больше, тем сильнее. Это втянуло СССР в безрассудную гонку вооружений. Выходец из непосредственного окружения Сталина Хрущев, став во главе государства, восстановил курс мирного сосуществования, но его политика не была последовательной. Впрочем, его оппоненты на Западе также оказались не на высоте.

В современной обществоведческой, мемуарной, публицистической литературе и беллетристике прослеживается нечто любопытное. Различные авторы от Л. М. Кагановича и В. М. Молотова до В. С. Гроссмана и А. И. Солженицына

стремятся нивелировать всех преемников Маркса, в первую очередь Ленина и Сталина, преувеличивая при этом роль Ленина. Не подтверждает ли это прямо или косвенно вывод об исключительной роли лидеров как в революции, так и контрреволюции? Логика обязывает: признав такую роль Ленина в Октябре, признать также исключительное, хотя и с противоположным знаком влияние ухода Ленина сначала из руководства партией, а потом из жизни. Этот же подход необходим и к роли Сталина. Как свидетельствуют ученые, не принимающие ленинизма, политические и просто человеческие качества Ленина и Сталина крайне противоположны. По Бердяеву, Ленин не был диктатором, Сталин же — вождь-диктатор в современном, фашистском смысле. Ленин, по мнению Фишера, «не хотел загонять в рай дубиной»; «в послеленинские годы» это оставалось незамеченным, более того — отброшенным; «при убийственном режиме Сталина» и после его смерти советские люди жили «в постоянной атмосфере принудительности и давления». Эта жизнь «неисчислимыми миллионами световых лет» отделена от принципов, изложенных в ленинском труде «Государство и революция».

Именно поэтому, считает А. Баллок (Англия), Сталин постоянно притворялся. По мнению автора, русские марксисты «отвергали любую форму прославления», личная преданность «никак не сочеталась с принципами марксистско-ленинской партии». «В компартии так глубоко укоренилась традиция коллективного руководства, что Сталин еще в конце 1934 г. считал необходимым сохранять ее «видимость». Для «уничтожения всего, что осталось от партии Ленина», диктатор создал «новый, более острый инструмент» (НКВД), противопоставил ленинской идее постепенного создания «кооперативного социализма» «радикальную насильственную ломку прошлого». Сталин «искажил марксизм до неузнаваемости». В этом свете общая мысль книги М. Геллера и М. Некрича «Утопия у власти» (Лондон, 1989) представляется несостоятельной. Сталин не был «утопистом», его деспотия, увы, была вполне реальна. Ряд авторов уделяют внимание личным качествам Сталина. Утверждения о его скромности, отношении к семье представляются ложными или спорными. Новейшие публикации позволяют сделать вывод о его склонности к пьянству. Неумеренно пил он в ссылке, в годы гражданской войны. По поводу таких злоупотреблений на Царицынском фронте ему выговаривал

Ленин. Пьянствовал Сталин вплоть до самой смерти. По свидетельству приближенных, участие в «ночных обедах» на его даче были тяжелой обязанностью членов политбюро.

Тезис об исключительной роли Сталина в формировании режима ничего общего не имеет с мифами: «благодаря руководству Сталина в кратчайшие сроки были созданы новые отрасли промышленности», Россия «обратилась к миру в образе супердержавы», «выход СССР в космос — последствия сталинской политики в области науки и образования». (Н. Н. Дронов). Заметим вскользь, что с этим именем в большей степени связаны не сама идея индустриализации, а нечеловеческие методы и темпы ее осуществления, а также грубые просчеты, которые впоследствии в значительной мере сведут на нет ее результаты.

Какова социальная база сталинизма? Нельзя принять официальную точку зрения, согласно которой он опирался на союз рабочих и крестьян. Он держался исключительно благодаря обману и насилию. Даже по Молотову, положение трудящихся было весьма тяжелым; в стране было чрезвычайное положение. В какой-то степени можно признать, что сталинизм был выразителем интересов разношерстных элементов города и деревни из бывших обездоленных и униженных швондеров и шариковых. Своими репрессиями он обеспечивал им движение вверх по карьерной лестнице, революционеры уступили власть людям, думающим лишь о собственной выгоде. Вот что писал Сталину в 1939 г. Ф. Ф. Раскольников: в судорожных поисках опоры вы «создаёте одну за другой привилегированные группы, осыпаете их милостями, кормите подачками». По мнению Троцкого, власть Сталина представляла собой современную форму цезаризма, он стоял наверху самого крупного из всех аппаратов. Насколько позволяют судить доступные источники, чиновничество было главной опорой сталинизма. В сохранении и укреплении сталинизма были заинтересованы также облагодетельствованные слои населения, занятые в промышленности, сельском хозяйстве, науке, культуре.

Несомненно, сталинизм в какой-то мере повторяет некоторые черты цезаризма, бонапартизма. По мнению А. Я. Гуревича, лидер революции и диктатор, утверждающийся после ее победы, несовместимы в одной личности. Робеспьера сменяет Наполеон, Ленина — Сталин. Но вырастает ли деспотия неизбежно из каждой революции? Можно ли отождествлять Наполеона и Сталина? Первый сохранил главные

завоевания революции, второй — уничтожил их. Несостоятелен и тезис о «сталинском термидоре». Термидорианский переворот во Франции не был направлен против революционного класса, он лишь воспрепятствовал дальнейшей радикализации революции. Он не только не тронул основные ее завоевания, но закрепил их в интересах буржуазии и крестьянства. Сталинизм же означал перерождение диктатуры пролетариата в самодержавие. Широко распространен старый образ «революция пожирает своих детей». Но к сталинизму он неприменим. Вождизм — не продолжение революции, а ее отрицание. В данном случае ее детей пожирала контрреволюция.

V

Что удалось подлинной демократии в СССР в 1985—1992 гг., сказать сейчас трудно. Показательно, что и многие деятели «Демроссии» отказываются считать новый режим демократическим. Десталинизация проходит противоречиво и непоследовательно. Более определенно можно утверждать о последствиях сталинизма. Они вполне очевидны. В последнее время в ряде бывших союзных республик получил распространение штамп «холодной войны» — «красно-коричневые». Его относят обычно к участникам антиправительственных демонстраций и применяют так же безоглядно, как ругательство. Политологи еще не определили, кто в стране «красный», кто «коричневый», и тем более когда и где они объединились. А ярлык уже в большом ходу. Объективно он призван сузить круг носителей сталинизма и, главное, отвести внимание общественности от главных источников грозящей реставрации. Он может послужить и сигналом к возрождению политического террора и орудием гражданской войны. На самом деле авторитаризм сохранился в жизни и мышлении широких слоев населения. Он — в долготерпении, страхе перед сильными мира сего, возобновляемом мерами вроде разгона демонстрации 23 февраля 1992 г.; в готовности сотворить себе нового идола; в ложных представлениях о политической ничтожности «простого человека», аморальности любой политики и вытекающем из них политическом безразличии, так выгодном авантюристам. В сохранении старого заинтересована до сих пор влиятельная партийная и иная номенклатура. Наивно полагать, что, выйдя из КПСС, она существенно изменилась. Из бывших секретарей не сде-

лать аристократов, как из советских теневиков и мафиози — культурных предпринимателей. Однако главный носитель сталинизма — это та часть номенклатуры, которая пришла к власти, хотя и заявив громко о своем демократизме.

Что осталось от сталинизма в нынешнем обществе? Вот разговор В. Н. Гордова и Ф. Т. Рыбальченко: «Сейчас все построено на взятках, подхалимстве... голод неимоверный, все недовольны. Газеты — это сплошной обман. Аппараты раздули... Только у нас могут так к людям относиться... Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Нам нужно было иметь настоящую демократию. А цены сейчас какие, ужас!». Говорили так 28 декабря 1946 г. два генерала (вскоре расстрелянные). Но впечатление такое, как будто они говорят осенью 1992 г.

Об отношении нынешних властей к людям ярко свидетельствует объявленная на рубеже 1991—1992 гг. «реформа», осуществляемая верхами по-сталински «радикальная насильственная ломка старого». Ее цель — уничтожить существующую систему любыми средствами, спешно создать класс капиталистов. О народе с его нуждами даже в пропагандистских выступлениях вспоминают вскользь, часто лишь как о помехе их планам. В стране мало кто знает, что такое «реформа». Лишь спустя семь месяцев после ее начала появился на свет проект программы ее «углубления». В нарочито туманной форме он обещает «либерализацию и стабилизацию, институционализацию и приватизацию». Более откровенно говорится о помощи лишь «наиболее социально уязвимым группам» населения. Раньше официальные лица гарантировали подъем через несколько месяцев, потом — лишь через несколько лет. Но любые запоздалые декларации едва ли помогут населению, у которого путем обесценения денег отняли 600 млрд. рублей (Г. А. Арбатов) и которое по уровню жизни отброшено на 20 лет назад.

По своим разрушительным последствиям эти меры равноценны «революции сверху» начала 30-х гг. По данным статистики, в РФ уже сейчас больше отпевают, чем крестят. Недаром Г. Э. Бурбулис назвал правительство «кабинетом единомышленников по пробиванию (разрядка наша. — Авт.) стратегической программы». Жестокость новых властей бьет в первую очередь по тому поколению, которое пережило страшные 30—50-е гг. Может быть, в этом — одна из их целей? Снова народ платит обнищанием и вымира-

нием за хозяйственные авантюры. Вместе с их западными наставниками они как будто не замечают, что поле их эксперимента заселено людьми. Помимо стремления к власти не было никаких факторов, которые побуждали бы к успешным и повальным решениям. В 1917—1920 гг. большевикам досталась разоренная и разграбленная страна. Ни в 1985-м, ни даже в 1991-м ничего подобного не было. Не было и «враждебного капиталистического окружения». Уже в первые месяцы «реформа» привела к резкому падению производства и товарооборота, еще более ухудшила финансовое положение страны, ничуть не приблизив ее к рынку. Подорвано здравоохранение, образование, культура, семья, материнство, детство. Тезис президента РФ «нам нужны миллионы собственников, а не кучка миллионеров» безупречен. Но помогут ли ничтожные 10-тысячные чеки? При массовом обнищании не попадут ли они за бесенок в руки той же «кучки»? Надолго ли чек «успокоит» голодного? Не обернется ли разговор о «равных возможностях» и «свободе выбора» новым гигантским обманом? Не ведут ли себя «реформаторы», как временщики?

Семь лет перестройки не тронули экономической основы авторитаризма — монопольных позиций чиновничьей собственности. Сохранились «изуродованная экономика, милитаризация до ужаса». На всех языках мира реформа — это преобразования, не затрагивающие основ строя. Она предполагает постепенные частичные изменения формы на почве существующего строя. Но курс Ельцина — это не реформа, это и по сути и способом своим контрреволюция.

Сохранился другой признак сталинизма — низкая компетентность властей. По соображениям идеологическим, националистическим, личной преданности в 1985—1992 гг. значительная часть профессионалов была отстранена от дела. В то же время, по словам Бурбулиса, образованные, талантливые люди отделились от новой власти. Процветает старая манера: руководит каждый, попавший в номенклатуру. Так, партийные секретари возглавили государства (но секретарь — это не профессия, он действовал в системе, лишенной здравого смысла, управлял, не зная дела, командовал, не неся, как правило, ответственности), военный летчик «поставлен» на сельское хозяйство, журналист «брошен» на экономическую реформу, геофизик — на правопорядок. При этом — тоже в лучших традициях — любой из них должен непременно публиковать «свои» книги.

Сохранилась опасная страсть к «простым решениям». Было псевдореволюционное стремление разрушить все старое до основания, ныне — придать контрреволюции «необратимый характер». Был антирыночный сталинизм, ныне — такое же слепое поклонение рынку, его стихийным законам. Но разве не эти законы порождали мировые экономические кризисы и мировые войны? При Сталине — поклонение плану, расчет на собственные силы, ныне — долой всякий план, расчет на границу. Была насильственная коллективизация всего общества, ныне — такая же всеобщая индивидуализация. Была сверхцентрализация, ныне — долой всякий центр. Сталин нивелировал все и вся. Ныне также не учитывают особенности советских людей. Так, едва ли одни лишь «старика» привыкли у нас к спокойной уверенности в завтрашнем дне, хотя и минимальном, но надежном социальном обеспечении. Эту привычку нельзя искоренить ни пропагандой, ни жалкой благотворительностью, верным признаком тяжелого общественного недуга. Многие действия вообще не укладываются в обычные представления. Зачем во имя укрепления дружбы народов разрушать их союз; во имя развития экономики — рвать веками складывавшиеся связи; во имя процветания демократии — разрушать советы, усиленно возрождать реакционные институты; устраняя сталинистские последствия в государстве — вести дело к развалу вооруженных сил, госбезопасности, судебной власти; в условиях явного распада науки — множить число сомнительных академиков. Не имея теоретической разработки вывода страны из кризиса, власти сплошь и рядом прибегают к опасным импровизациям.

Вопрос вопросов: социализм или капитализм. В споре сталинистов и других антимарксистов обе стороны отрицают очевидное. Осуществленного идеала мир не знает. Опыт не только СССР, но и зарубежный, может быть принят лишь выборочно. По А. Д. Сахарову, капитализм не является высшим достижением цивилизации. Те, которые клянутся именем академика, показывают публике лишь праздничную сторону капитализма. Даже в развитых странах он оставил проблему — взаимоотношения между обеспеченными двумя третями населения и необеспеченной третью. Но развивающиеся страны — это ведь тоже капитализм. Больше того, развитые страны стали и остаются такими лишь вследствие эксплуатации «мировой деревни», начиная еще с доколумбовских времен. В «третьем мире» (80% населения

планеты) 1,2 млрд. человек живут в нищете, 1 млрд. взрослых не умеет читать и писать, доходы на душу в три раза ниже, чем в странах Восточной Европы. Как показала конференция ООН по проблемам окружающей среды и будущего развития цивилизации (июнь 1992), хищническая модель десятка богатых стран истощила себя. Она грозит гибелью человечеству. Наши певцы капитализма за «поэзией частного предпринимательства» не замечают, что умные люди давно отказались от нерегулируемого рынка, от частной формы собственности как единственно целесообразной. В США, по данным Г. В. Осипова, уровень обобществления производства составляет 43%. Еще в конце XIX в. начался поиск сочетания рыночного и планового начал, различных форм собственности. И в этом смысле рано еще хоронить социалистическую идею. Весьма показательно, что даже лидеры консерваторов в наши дни провозгласили одной из главных целей добиться в Британии бесклассового общества. Не пытается ли кое-кто побудить нашу страну пройти путь развитых государств, начиная с накопления капитала с его дикостью и подлостью?

В главных чертах подходы к постепенным и безболезненным для людей (мы в XX в.!) преобразованиям, назревшим к 1985 г., можно было бы сформулировать так. Осмысление истории и современного состояния общества, анализ показателей СССР и зарубежья в областях экономической, политической, культурной, в том числе развития общественной мысли; разработка концепции и конкретных программ реформы с обязательным использованием иностранного опыта и учетом особенностей нашей страны; предварительные эксперименты в отдельных районах. Достижения развитых стран были немыслимы без ограничения конкуренции, расширения общественного сектора, экономического планирования, контроля над ценами и зарплатой со стороны государства и общества, активной социальной политики. Все это вполне соответствует и марксистским (не догматическим!) представлениям о социализме. Власти признают свою низкую компетентность: «мы вошли в воду, не умея плавать». Но, как правило, они избегают ответов на прямые вопросы об их стратегии. Можно услышать лишь общие слова о «нормальной человеческой жизни», «полноценном здоровом обществе».

Упадок культуры проявляется в форме и содержании выступлений многих политических и общественных деятелей.

Сочиненные на ходу, сказанные сгоряча суждения потом тщательно редактируют или благовидно пересказывают. Выступления ряда литераторов, других деятелей культуры засорены ненужными заимствованиями из иностранного и даже местных непристойностями. В сатире и юморе темы, почерпнутые из анатомии и физиологии человека, стали чуть ли не господствующими. Сказывается не только ложная трактовка гласности как вседозволенности, но и «свободный» рынок. На поверхность выплеснулись дурные вкусы значительной части населения, в том числе и причисляющей себя к интеллигенции. Литературу, кино, телевидение заполнили низкопробная продукция и просто порнография, давно в мире ставшие отходами культуры.

Далеко не изжит бюрократизм — другая черта сталинизма. В последнее время вновь приглушена гласность, особенно в освещении деятельности исполнительной власти. Вновь стал анонимным правящий слой. После сокращений первых лет перестройки разросся управленческий аппарат. Оказался тесным громадный комплекс зданий ЦК КПСС, которые обещали передать трудящимся. Сооружен параллельный советам сугубо бюрократический институт представителей президентов. Как свидетельствуют министры РФ, новые власти, перестав позировать перед репортерами в «простых» магазинах, поликлиниках, общественном транспорте, без труда восприняли худшие традиции по части привилегий. Как это согласуется с недавней отменой даже весьма скромных льгот даже престарелым участникам Октябрьской революции? В аппарате свирепствует коррупция, тесно связан с ней общий разгул преступности. Даже по сравнению с первыми послевоенными годами она выросла в несколько раз. Этому, несомненно, способствовали узаконение спекуляции и отмывания грязных денег, превращение страны в громадный черный рынок. В конечном счете губительный рост преступности неизбежен при восстановлении капитализма в его самых неразвитых формах. Проблема правового государства поставлена давно, но ее едва даже начали решать. Не создана единая система, состоящая из уравнивающих друг друга законодательной, исполнительной и судебной властей. В ряде республик зреют авторитарные устремления, раздаются призывы разогнать съезд народных депутатов, сделать ручным парламент, обратиться к избирателям через головы депутатов. Наблюдается вмешательство в дела суда и прокуратуры. Наконец, в ряде республик при попустительстве

властей или прямом их участии вспыхивают вооруженные конфликты. Некоторые из них переросли в войны.

За семь лет так и не смогли создать плодотворную оппозицию и многопартийную систему. Наспех сколоченный антикоммунистический блок в самых благоприятных условиях, созданных ГКЧП, без труда привел к престолу новых лиц. Но после августовского переворота он сам был оттеснен от власти и распался на еще более слабые организации. С особой силой нужно подчеркнуть, что до сих пор не учтен главнейший урок истории сталинизма и других автократий XX в. Явно не торопятся создать механизм, который предотвращал бы новое скатывание страны в бездну самовластья. Впрочем, некоторые президенты и не скрывают своего удовлетворения тем, что их может сместить один лишь бог... Ряд фактов свидетельствует о том, что провозгласившая себя «независимой» пресса или становится орудием правительства, от которого зависит в финансовом отношении, или превращается в некую самодовлеющую силу, свободную от демократического контроля.

Правопорядок в стране был до основания расшатан беспринципным противоборством «вождей» СССР и союзных республик, особенно РСФСР, а также внутри самого руководства Союза и республик. Роковую роль сыграли личные амбиции. Так, ради устранения Горбачева был ликвидирован центр, а заодно и СССР, что было «ловким ходом в борьбе за власть» (Д. Фурман). Вопреки конституциям решили судьбу народа: быть ли Союзу, социалистическому выбору, советской власти. Вопреки мартовскому референдуму 1991 г. (в августе 1992 г. около 70% жителей Москвы вновь высказались за СССР) захватным порядком повернули назад к феодальной раздробленности, дикому капитализму, государственной церкви. Характерно, что в декабре 1991 г. синод приветствовал развал СССР.

Всему этому предшествовали война законов и бюджетов, парад суверенитетов. Не этот ли парад и породил «опасность агрессивного национализма», замеченную недавно президентом РФ? Впрочем, есть и великодержавная позиция: разделить страну на губернии независимо от национальности населения, что напоминает «план Ост». В августе 1991 г. в духе «революционной целесообразности» многие республики захватили союзные структуры и собственность. Ссылка на то, что это находилось на их территории, неубедительна. В ряде «демократических государств» были запрещены ком-

партии и в то же время реабилитированы фашистские преступники. Многочисленные факты превышения своих полномочий президентами, документы часто принимаются наспех, с нравственными и правовыми изъянами. Ряд правительств систематически нарушает свои соглашения с профсоюзами. Грешит правовыми нарушениями и «четвертая власть». Достаточно напомнить захват газеты «Известия» группой журналистов, воспользовавшихся слабостью парламента СССР, которому она принадлежала с момента ее основания; неприятие этой группой известного решения Верховного Совета РФ в июле 1992 г.

Новые первые лица шли к власти под лозунгом деидеологизации. Он лжив изначально. Общество не может жить вне идеологии. Другое дело, она не должна становиться государственной мифологией. «Наше стремление представить прошлогодний август как победу демократии, — пишет П. И. Воцанов, б. пресс-атташе президента РФ, — к сожалению, было не больше, чем самообман». Вот почему попытки этих лиц изобразить народность или набожность напоминают балаган. Как и при Сталине, многие их действия дурно идеологизированы. Таковы до боли знакомые кампании со всеобщими переименованиями, перезахоронениями, переменами памятников и символов, попытки восстановить старые религиозные и учредить новые, явно не популярные праздники.

В ряде новых государств (добавлять слово «независимые» значило бы унижать их: государств иных не бывает!), как при сталинизме, формируется власть, связанная не с политической программой, а с лидером. Пресса, не задумываясь над сутью дела, воспекает громадную роль личных отношений президентов новых республик, называющих себя «великими». Но горе народам, судьбы которых зависят не от права, а от взаимоотношений их «вождей». Горе обществу, реформирование которого держится на первых лицах. Четко прослеживается бонапартизм с его социальным лавированием, желанием нравиться публике. Вместо правящих партий — какие-то группы вокруг «вождей». Они воюют друг с другом за влияние. Не потому ли так много неожиданного в словах и действиях ряда президентов? Пресса возносит их «объединяющую функцию», называет их «единственной скалой», «цементирующей реальной силой». Услужливые журналисты пишут о «всенародных избранниках». На деле президент РФ, например, избран едва половиной избирателей.

«Генеральанцайгер» (ФРГ) замечает, что статьи «Известий» о президенте напоминают немецкие школьные учебники о «нашем кайзере». Вновь ответственные речи пестрят словами «я», «мой», «Когда его (народа. — Авт.) терпение лопнет, закончится вера в Президента, начнется хаос».

Итак, кто не хочет «хаоса», должен верить президенту, терпеть, жертвовать (в который раз!). История уже знает, чем заплатили народы за такую веру. Плохи дела в обществе, если здравый смысл уступает вере. Оно не может довольствоваться клятвами в неизбывной любви к народу. Оно должно оградить себя от нового сталинизма. Вот уже в течение нескольких лет идет борьба за усиление централизации власти, кое-кто из президентов уже открыто заявляет о готовности взять на себя ответственность «за все». Сужается круг лиц, принимающих решения, усиливаются неприятие критики, качание между крайностями. Стремление удержаться у власти подавляет долг перед народом. Появилось странное словосочетание «государство и президент», не хватает только давно известного: «государство — это я». Все это тщетно пытаются теоретически и исторически обосновать лица, считающие себя идеологами демократии. Попов рисует образ своего любимого героя, царя (князя) — реформатора. Провал свой и своих единомышленников он оправдывает ссылкой на... специфику страны, цинично утверждая: «В России значение первого лица неизмеримо выше, чем его формальные функции».

Обращает на себя внимание статья доктора наук Д. Ольшанского «Борис Ельцин: 100 дней после победы». Все в нем приводит автора в восторг: «харизматический (наделенный божественным даром) тип», «гонимость (наш народ жалостлив к страдальцам)», «блистательный талант прирожденного оппозиционера», «грубоватость и простоватость прагматика», страсть к «взвинчиванию ситуации», «поиск козлов отпущения», «стремление к формированию достаточного жесткого авторитарного режима сверху донизу». Автор допускает, что его герой может стать «лидером насильственной революции». Истекшие месяцы подтвердили, что он был прав, например, по части «взвинчивания» цен, охоты на ведьм, воздушных десантов, предложения выселить советских немцев на полигон или заявления «Черноморский флот был и будет российским». Показательно также утверждение об ответственности торгов за безбрежное повышение цен. Торги упразднили, а цены... Автор нарисовал четыре варианта по-

ведения президента в будущем, к сожалению, не посоветовал «простым людям», как им уберечься от «животного магнетизма» и «фанатизма», обнаруженных им. Что если низвержение так и не сменится созиданием?

Остался свойственный сталинизму разрыв между словом и делом. Уверения не снижать жизненный уровень, защитить права миллионов, оказавшихся чужими в своей стране, и т. п., живо напоминают обещания Сталина (за ним Хрущева) дожить до коммунизма. Образ врага — центральный пункт сталинской пропаганды — широко используется и ныне. Унаследована и привычка возлагать на предшественников ответственность за собственные заблуждения и просчеты. Своим главным врагом режим считает, естественно, КПСС. А. В. Козырев ратует также и за «усмирение югославской КПСС», что едва ли делает честь дипломатии. Свергая поверженную КПСС, пресса использует худшие приемы былых времен. Неуклюже используется любой повод в выступлениях на любые темы, экологические или божественные. Вражда к инакомыслящим дошла до того, что делят участников войны — на тех, кто оказался на фронте с начала боев, и тех, кто пришел позднее; сооружают образ «реакционных парламентов». Но разве они не избраны народом? Серия мифов была создана вокруг августа 1991 г. Пытаются представить, что против ГКЧП за «белый дом» выступал весь народ. Но население Москвы и всего СССР было достаточно безразлично и к тому, и к другому. Народ безмолвствовал, в столице из 10 млн. вышли на улицы лишь тысячи. Не было «трех дней боев за белый дом», «людей, которые остановили танки». Танки не шли, их не надо было «останавливать». Теряя чувство меры, некоторые авторы ставят августовский переворот (по числу «счастливых лиц» в Москве) в один ряд с 9 мая 1945 г. Чтобы отвлечь население от проклятых вопросов, обратились к «сеансам Кашпировского», затем бесконечным лентам «Богатые тоже плачут», «Никто, кроме тебя». И дешево, и сердито.

Одна из главных задач пропаганды раньше и теперь — доказать, что власти избрали «единственно верный путь» (см.: проект программы углубления). «Иного не дано», навало свою книгу издательство «Прогресс». Но Китай, например, идя сугубо иным путем, не разваливая экономику, уже обогнал нашу страну лет на десять. Там решена продовольственная проблема. Мы не говорим уже о Японии, которая отнюдь не прибегала к помощи пресловутого «шока».

У нас по-прежнему широко идет политическая фальсификация истории. Каждый правитель, считая себя знатоком истории, изымает из прошлого своих предшественников: при Сталине — подлинного Ленина и его соратников, при Хрущеве — Сталина, при Брежнев — Хрущева, почти всех их — при новых властях. Кое-кто утверждает, что разоружение, например, началось лишь в августе 1991 г. Во многом сохранилась сталинистская беспринципность. Борясь за власть, широко прибегали к митингам, обещали всем, кто захочет, предоставить полную независимость, в августе даже призывали к всероссийской политической забастовке. Сейчас эти «порочные методы» гневно осуждают.

О внешней политике демократчиков, которая мало чем отличается от политики Горбачева, хотя они открыто отвергают своего предшественника. Даже беглое сопоставление этого курса приводит к выводу о значительном методологическом его сходстве с политикой Сталина. То же стремление до основания разрушить все старое, сделать все наоборот. Однако в благородном порыве убрать все «коммунистическое» они забывают о коренных потребностях своей страны, равновесии в мире. То и другое нельзя переделать за «три дня боев». Чтобы изменить геополитические интересы, нужно, по меньшей мере, перенести страну (да и ее соседей) в другое пространство.

За рубежом считают присоединение к Западу «главной внешнеполитической целью» РФ («Экономист», Англия). В это легко поверить. Поразительно похоже, например, обращения президентов США и РФ к «россиянам» по случаю годовщины августовского переворота. Сплошь негативная оценка курса США времен «холодной» войны уступила место такой же односторонней, но выдержанной уже в розовых тонах. В западноевропейских государствах преобладают общие с США социальные доктрины и религии. Но они не собираются безоглядно бросаться в объятия американцев, строго следуя национальным нуждам. У нас модно осуждать помощь б. советских лидеров зарубежным единомышленникам, но в сугубо идеологических же целях выступают против новой Югославии, отодвигают на задний план отношения с Китаем, выдают Э. Хонеккера ФРГ, гражданином которой он никогда не был. Такую же идеологизированную политику проводили и проводят США. Разве не за августовский переворот они платят «Актом поддержки свободы»? Все чаще идут на скрытые и явные уступки. Таковы передачи

США советских прав на большую акваторию в Беринговом море и активная обработка общественного мнения в пользу отказа от законных владений на Курилах в пользу Японии, требования которой станут все жестче; односторонние шаги в области разоружения и странное обращение к Бушу участников беловежской встречи по поводу ликвидации СССР.

Обещают помощь Запада в качестве чуть ли не главного условия перестройки. Все правительства, начиная с 1985 г., нарочито подчеркивают малейшие свои достижения в этой части, даже заносят на красную и черную доски государства в зависимости от того, как они помогают СССР — СНГ. Но вместо технологического сотрудничества, действительно необходимого любой цивилизованной стране, добились подаяния, хотя и назвали его «гуманитарной помощью». США в течение семи лет перестройки не сняли известных ограничений в торговле с СССР. В то же время их лидеры активно содействовали развалу Союза. Они закрыли глаза на то, что беловежские договоренности представителей «славянского авангарда» противоречат Конституции СССР, международному праву. Забыли они и о своих обещаниях Горбачеву. Буш поспешно благословил договоренности, поддержал сепаратистов Украины, других республик, признал их независимость. Определенные силы Запада, устранив своего главного соперника, едва ли заинтересованы в сохранении и сильной РФ. Влиятельный в США Г. Киссинджер призывает не приходить в восторг от переворотов в СССР — антикоммунистического и антиимперского: не каждый антикоммунист — демократ, не каждый демократ — «антиимпериалист»; Россия не знала Реформации с ее обращением к личной совести каждого, Просвещения с его преклонением перед разумом, капитализма с его поощрением личной инициативы. Автор не доказал, однако, что каждому обществу, чтобы стать жизнеспособным и порядочным, нужно пройти именно эти горнила.

«Дружба» Буша с Горбачевым или Ельциным приходит и уходит, остаются национальные интересы США. А понимают ли у нас интересы РФ и других республик или «Таймс» (Англия) справедливо сообщила о наличии в руководстве «прозападного лагеря»? Не пора ли выработать собственный план преобразования, опираясь главным образом на ум и труд своих народов? Учитывают ли, что в США идет борьба двух точек зрения: помогать СНГ сейчас или подождать, ког-

да РФ вернется к временам Ивана Калиты? Не закрывают ли глаза на то, что поддержанные Западом требования Японии — это лишь начало, что территориальные претензии готовы предъявить или уже предъявили соседи на Западе и Юге? Равнозначна ли реакция на попытки разговаривать с РФ языком ультиматумов (в частности, по поводу сделки о поставках ракет Индии)?

Нынешняя внешняя политика — это настоящее бедствие. Новое политическое мышление и другие идеалы перестройки — вне критики. Но что получилось на деле? Ликвидация Варшавского договора при сохранении НАТО; поспешный отказ от сотрудничества с другими естественными союзниками и братание с реакционными и агрессивными режимами, в частности, полный разрыв традиционно дружественных отношений с Афганистаном после оправданного вывода советских войск. Преобразователи устроили не только государство Сталина, но и государство, созданное Петром I (Ф. Миттеран). Не надо увеличивать роль прибалтов. Определяющее влияние оказало провозглашение независимости РСФСР от центра и других республик, хотя и прикрытое лозунгом «возрождение России». Но Россия никогда не умирала; РСФСР — это не Россия, а лишь то, что осталось от нее после образования СССР по сталинскому рецепту. Такая «независимость» во многих отношениях возвращала страну в Смутное время, резко усиливала сепаратизм, готовила развал СССР и самой РФ. Резко ухудшилось положение всех б. советских республик в целом и каждой в отдельности. Кто предскажет возможные глобальные последствия этой политики? Насильственное устранение единых СССР, СФРЮ, ЧССР не означает ли начало нового передела мира? Не нависла ли угроза еще более худшего варианта «санитарного» кордона? Лишь с позиций сталинистского догматизма его можно рассматривать исключительно антисоветским. Пока можно определенно сказать, что с исчезновением мощного противовеса усилилось стремление определенных кругов к мировому господству. «Соединенные Штаты должны быть военной сверхдержавой, экономической сверхдержавой, сверхдержавой в экспортной торговле», — читаем в предвыборной программе Буша. Во всем мире эту тенденцию заметили. Что думают об этом в СНГ?

В новой политике просматриваются уже известные колебания между догмой и расчетом, череда неожиданных сомнительных решений, принятых под влиянием обстоятельств

или неких озарений. Явно недостаточен контроль со стороны общества, восстанавливается тайная дипломатия, за спиной народа готовятся и решаются важнейшие проблемы, чего стоит зигзаг с обещанием признать Македонию. Кому выгодно повышенная активность военных во внешней политике? Во многом прослеживается непрофессиональность. Ряд дипломатов обнаруживают безграмотность. Так, один из них назвал СССР «единственной страной, которая в результате второй мировой войны сделала территориальные приобретения». На самом деле такие приобретения получили ЧСР и Польша, с их территорий были переселены в ФРГ около 9 млн. немцев, Югославия и Китай. США приобрели Микронезию, расположенную на огромной акватории в 7,8 млн. кв. км. Десталинизация, начавшаяся в 1953 г., была вскоре прекращена брежневской реакцией. Прогрессивный процесс возобновился в 1985 г. Нельзя допустить, чтобы он был задушен.

II. КТО ВИНОВНИК ВОЙНЫ?

I

В литературе разных стран и направлений представлены самые различные точки зрения на происхождение второй мировой войны и причастность к этому СССР и его лидера Сталина. Пишут о противостоянии двух систем — капиталистической и социалистической. Это, по крайней мере, нестрого. Было лишь одно государство (а не «система»), которое претенциозно называлось «социалистическим». Война же возникла в капиталистическом мире. Роль СССР, как и его возможности столкнуть друг с другом своих вероятных противников, нельзя преувеличивать. По аналогии с первой выводят и вторую мировую войну из борьбы империалистических государств за рынки сбыта. Но фашистские инициаторы последней из этих войн далеко не ограничивались лишь захватом рынков. Сообщают о «реванше германского империализма». Но он вернул утраченное им в 1918 г. в основном еще до 1 сентября 1939 г. Предлагают версию: «передел мира между Германией и СССР». Но несправедливо сбрасывать со счетов другие великие державы, так же, как и ставить на одну доску Германию и СССР. Даже если будущие историки раскроют какие-то новые документы о соответствующих планах Сталина, его реальные действия не сравнятся с агрессиями Германии.

Вновь возвращаются к фашистскому варианту старой легенды об упреждающем ударе — тезису Гитлера о «превентивной войне» будто бы миролюбивой Германии против изготавившегося к антигерманской агрессии СССР. Этот тезис был отвергнут мировой историографией. Однако крайние консерваторы не отказываются от него. Об этом свидетельствует, в частности, известный «спор» историков ФРГ в

80-е гг. При нынешнем состоянии источников наука едва ли будет в состоянии ответить на вопрос, напал ли бы СССР на Германию при первой же ее неудаче в войне с Англией или США. Можно, однако, вполне определенно сказать, что нападение Германии на СССР было обусловлено не «поведением СССР» летом 1941 г., а ее империалистическими целями. Сталинизм с его массовыми репрессиями чрезвычайно ослабил СССР, что ускорило решение Гитлера начать давно запланированный Восточный поход. Можно допустить, что самоубийственная дипломатия и стратегия Сталина даже спровоцировали агрессию против СССР, но нет оснований утверждать о «превентивной войне» Германии или о двух «превентивных войнах» (с обеих сторон).

Легенду о «превентивной» войне ныне приняли в той или иной форме и некоторые отечественные исследователи, в том числе историки из АН. Так, по мнению О. В. Вишлева, война со стороны Германии против СССР была превентивной «только в том смысле, в каком обосновывал Гитлер ее необходимость перед высшими чинами вермахта в 1940—1941 гг. — как войны против потенциального противника и возможного союзника Великобритании. Ни в каком ином смысле превентивной для Германии она не была». Но «ни в каком ином смысле» не применяло эту легенду и ведомство Геббельса...

Ознакомление с внешнеполитическими воззрениями Сталина и его окружения, представленными в их публичных выступлениях 30-х — начала 40-х гг., приводит к выводу о последовательности их слов и дел. Вся их зарубежная деятельность — это утраченная возможность если не предотвратить войну, то по крайней мере удержать СССР вне ее. Они не понимали природы тогдашнего мира, недооценивали достаточно резкую дифференциацию различных сил, неразумно относили к «врагам» всех не согласных с ними, преувеличивали советский фактор во внешней политике великих держав, игнорировали противоречия между ними, возможность предотвратить новую мировую войну, делали ставку на войну этих держав и преимущества «третьего радующегося», впоследствии — на одностороннее сотрудничество с фашистскими государствами. Даже в 1952 г. в заключительной речи на XIX съезде КПСС генсек навязывал своим премникам ложную оценку буржуазии. Она будто бы стала сплошь реакционной, выбросила за борт знамена демократии и национальной независимости. Вся эта политика имела

пагубные последствия. СССР оказался без союзников, а в сложившейся впоследствии коалиции общий груз был распределен весьма несправедливо. Восточный фронт вермахта был постоянно главным. На него пришлось свыше 70% боевых потерь. СССР от начала до конца вел войну в крайне неблагоприятных условиях. Его же союзники имели возможность выбирать наиболее удобные для них время, место и формы действия.

Сталин, его сторонники и современные последователи недооценивают фашизм как главного виновника войны и других гигантских преступлений. Поражают общее невнимание Сталина к этому явлению, неприятие им известной оценки фашизма Исполнительным комитетом Коминтерна (ИККИ), упрощенное отождествление фашизма с режимами Николая II, Вильгельма II, суждений о фашизме как признаке «слабости буржуазии» и «назревания революции», тезис о фашизме как простом национализме или патриотизме. Сущностную черту фашизма — глобальный характер его завоевательной программы — Сталин признает лишь в речи 9 февраля 1946 г. Ложно истолковал он цели фашистов в Восточной Европе. Фашизм далеко не удовлетворялся уничтожением «общественного и государственного строя» и совсем не собирался восстанавливать власть в СССР русских помещиков и капиталистов. «Не оборона от коммунизма, а слепая аннексионистская политика была содержанием гитлеровского режима» (К.-Д. Брахер, ФРГ). Никакой власти, никакой военной силы в Восточной Европе, кроме германских; образование мощного блока для продолжения войны за мировое господство; создание на месте СССР «германской Индии» — вот цели фашизма. Гласность, понимаемая, как право на любые суждения, породила их и в данном случае. В. К. Абаринов утверждает, что в середине 1940 г. Германия была «загнана в угол» и Гитлер «обратил свои взоры на Восток». Сталин отказался выступить с ним против Англии, стремясь к союзу с Западом. «Страх Гитлера — вот подлинная причина войны». Автор «переместил» события из 1941—1945 гг. в 1940 г. и таким путем скрыл истинные причины нападения на СССР. П. Е. Фельгенгауер воспользовался старыми зарубежными версиями. Гитлер (как и Наполеон) пошел на Восток, стремясь лишить Англию «последнего союзника на континенте». Так «главная цель жизни» Гитлера стала неким тактическим маневром в германско-английской войне.

Определение ИККИ в 1934 г. фашизма как террористической диктатуры наиболее империалистических элементов финансового капитала, тезис о его стремлении создать массовую базу основывались на опыте лишь итальянского фашизма, оказавшегося его периферийной ветвью. Опыт войны 1939—1945 гг., этого главного дела фашистов, естественно, не учитывался. Недоценивались также геополитический, национальный и другие факторы, круг носителей фашизма сужался. Влияла конъюнктура. ИККИ явно «ограждал» рабочих, значительная часть которых на самом деле поддерживала фашистские партии, в том числе НСДАП. Новейшие исследования приводят нас к таким выводам. Фашизм, в первую очередь германский, — это одна из самых аморальных и антигуманных разновидностей авторитаризма XX в. Для него характерны культ «вождя», действующего от имени народа, активная социалистическая демагогия. Фашизм — это господство высших слоев буржуазии, партийного, штатского и военного чиновничества. Ему свойственны милитаризм, крайнее насилие (в первую очередь во вне страны), расизм, весьма гибкая социальная политика, довольно устойчивая массовая база. Фашизм — это контрреволюция. Он был ответом наиболее регрессивных сил на Октябрь, а также попыткой этих сил выйти из экономического кризиса 1929—1933 гг. Но в отличие от либеральных и демократических движений фашизм отнюдь не стремился направить общество по пути цивилизации. Его программа завоевания мирового господства любыми средствами угрожала не только прогрессивным движениям, но и всему человечеству. Некоторые акции фашизма могут быть отнесены к модернизации. Но это не меняет его содержания. В условиях деспотического режима непонимание Сталиным фашизма обернулось в конечном счете неисчислимыми жертвами в первую очередь советского народа.

Ошибочно оценивал Сталин политику и других великих держав. Мюнхенский курс Англии и Франции, в основном поддержанный США, не был обусловлен лишь одним антикоммунизмом. Действовали мощные межимпериалистические противоречия. Капитаны западного мира тогда еще не научились смягчать столкновения своих противоречивых интересов (ср.: нынешняя «семерка»). В этом курсе, несомненно, прослеживаются влияния традиционной британской политики равновесия на европейском континенте. Играли роль небывало сильные пацифистские настроения миллионов

масс населения западных стран. Были просто ошибки, «самоиллюзии и глупости» (Дж. Эмерсон, Англия). Мюнхен был «великим заблуждением» (Г. Вебер, ФРГ). Сталин исходил из ложной оценки англо-американских противоречий как определяющих в западном мире, считал Англию главным врагом СССР, не замечал существенных различий в позициях Англии и Франции. Сталин называл Рузвельта «самой сильной фигурой» в капиталистическом мире. На самом деле, Рузвельт был крупнейшим политиком тогдашнего мира в целом. Однако это не снимает вопроса о том, имели ли возможность США и СССР предотвратить войну, в частности, заблаговременно создать антифашистскую коалицию. Роль Рузвельта не изучена полностью. Оценивая обстановку накануне войны, необходимо учитывать международную реакцию на сталинские «чистки», вследствие которых на Западе стали сильно сомневаться в «способностях Советов к военному союзу». Сталин и его преемники подчеркивали опасность возникновения на базе мюнхенской сделки единого антисоветского блока ее участников и даже всех великих держав. Эта проблема, на наш взгляд, еще не изучена, как и единая линия определенных кругов от мюнхенской политики до «холодной войны».

Во внешней политике СССР 30-х гг. четко прослеживается борьба двух тенденций. Первая из них связана с лозунгом «Мир — народам!». Под этим лозунгом победил Октябрь. Вторая тенденция была обусловлена сталинизмом и являлась продолжением его внутренней политики. Редкий труд, выходящий на Западе, не касается проблемы мировой революции. Этот лозунг большевиков был снят еще при жизни Ленина и по его инициативе. Фактически лозунг продолжал жить и в партии, и вне ее. Однако едва ли можно преувеличивать его место во внешней политике СССР. Да, был Коминтерн, как «партия мировой революции». Но был и Антикоминтерн, другие контрреволюционные международные организации. Во многих выступлениях Сталина были прямые или косвенные ссылки на этот лозунг (тезисы о «капиталистическом окружении», о компартиях, которые еще не пришли к власти, и т. п.). Тем не менее, Сталин и его группа все больше склонялись к обычной имперской политике. Достаточно напомнить войну против Финляндии, хотя эту агрессию и пытались прикрыть интересами финских трудящихся. Недаром Сталин вынашивал мысль о роспуске Коминтерна еще в предвоенные годы. В 1943 г. он был распущен.

Помимо официально объявленных мотивов роспуска (укрепление коалиции с западными державами) необходимо, на наш взгляд, иметь в виду то обстоятельство, что Коминтерн, даже ИККИ, никогда не были полностью поглощены сталинизмом. Помимо центра существовали самостоятельные зарубежные компартии, как бы не толковали ныне помощь им со стороны ВКП(б). В них все более усиливались антисталинистские тенденции. Г. М. Димитров высказывался даже в пользу создания резервного ИККИ за рубежом. Зрелость компартий едва ли могла быть причиной роспуска. Зрелые социалистические, христианско-демократические, либеральные партии и движения отнюдь не отказываются от объединения в мировом масштабе. Интерес Сталина к Коминтерну начал исчезать уже в начале 30-х гг. Весьма показательно, что Черчилль, этот главный борец с «мировой революцией», откажется от бывшего представления об этом лозунге, а позднее предложит союз Сталину. В беседе с И. М. Майским в 1938 г. он уже не считал идею мировой революции опасной для Британии.

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. в известной степени был итогом сталинистской дипломатии предвоенных лет. Из всех акций того времени он вызывает самые острые дискуссии, в большой степени идеологизированные. Апологетически оценивают пакт сталинисты и неофашисты. В литературе Запада прослеживается также и нигилистическая оценка. Она воспринята в последние годы в СССР. Активно, но бесплодно обсуждается в течение десятилетий вопрос об оригинале секретного приложения к пакту. Это приложение фактически предопределяло противоправный раздел Польши. Схоластического спора могло и не быть, если бы участники международных конференций учитывали, что в 20-е числа сентября 1939 г. советские правительственные газеты опубликовали карту-схему разграничения войск вермахта и РККА по линии рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан. Согласно этой карте к СССР отходили не только украинские и белорусские земли, захваченные Польшей в 1920 г., но и чисто польские воеводства — Варшавское и Люблинское.

Продолжается спор по вопросу, кто к кому пришел 23 августа. По нашему мнению, оба диктатора шли навстречу друг другу, по крайней мере, на протяжении многих месяцев. Утверждают, что у Сталина не было выбора, кроме пакта. Но никем не доказано, что возможности его перего-

воров с представителями Англии и Франции были исчерпаны; что военные соглашения с этими странами без согласия Польши пропустить при необходимости через свою территорию советские войска были бессмысленны. Далее, достаточно ли мотивированы были отказ СССР от собственного принципа «мир неделим» и поиск безопасности только для самого себя, но не для всех. Было ли неизбежным нападение Германии на СССР тотчас после его отказа от пакта с ней? Не изучены и другие возможные решения: Москва продолжает переговоры с Лондоном и Парижем и одновременно — тайные контакты с Берлином; заключает «чистый» пакт о ненападении с Германией без каких-либо дополнительных обязательств, выходящих за рамки нейтралитета, и продолжает переговоры с западными державами об аналогичных соглашениях; наконец СССР отказывается от каких-либо соглашений со всеми державами.

Касаясь нравственной стороны германо-советских отношений 1939—1941 гг., необходимо подчеркнуть, что опубликованную часть пакта 23 августа нельзя оценивать в отрыве от явно порочных секретных приложений. Пакт же от 28 сентября 1939 г. о «границах и дружбе» было бы ошибочно отрывать от пакта 23 августа. Сговор о границах, а значит и ликвидации Польши, как и о «дружбе», был совершен уже в августе (ср.: Новейшая история. М. 1991. С. 5—7).

Значение пакта 23 августа нельзя преувеличивать. Так, он не мог «открыть зеленый свет войне Гитлера». Решение напасть на Польшу было принято до пакта и независимо от позиции СССР. Пакт имел отношение скорее к ходу, но не возникновению войны. Он ухудшал позиции Англии и Франции в войне с Германией. Какой из сторон пакт был наиболее выгодным, нужно еще изучить. Мало сообщить, как много поставил СССР Германии, нужно еще знать место экспорта в германской экономике, долю СССР в германском экспорте, соотнести поставки советские — Германии с немецкими — СССР (А. А. Шевяков). Это не в полной мере учитывают, например, Геллер и Некрич. По данным Ч. Мадайка (Польша), главным поставщиком сырья в Германию был не СССР, а Юго-Восточная Европа. Положительным было воссоединение с Украиной и Белоруссией их западных областей. По дополнительному соглашению граница с Германией прошла не по Висле, а по Бугу. Улучшились советско-японские отношения. Но был ли пакт оптимальным путем к тому и другому? Многие историки из АН

и ИВИ продолжают писать о пакте, как о «невероятной дипломатической победе» Сталина. Пакт будто бы «расколол» противников СССР, «сорвал расчеты» Англии и Франции, СССР «завоевал передышку» (Г. Н. Севостьянов). На самом деле «раскол» произошел независимо от пакта. Если автор имеет в виду расчет переложить на СССР уничтожение основных сил фашистов, то этот расчет отнюдь не был сорван. «Передышка» в 22 месяца ослабила бдительность советской стороны, укрепить новую границу не удалось. Москву спасло не новое предполье, а мужество обороняющихся. Пакт открыл Гитлеру свободу действий. Положительное и отрицательное влияние пакта нужно еще изучить. Но уже сейчас ясно, что он далеко не был «победой Сталина».

В мировой историографии широко распространен подход, обусловленный национализмом. Например, утверждают: ни один человек в Германии, в других вариантах — в СССР (США, Англии, Франции и т. д.) не повинен в происхождении второй мировой войны. Эти утверждения различны лишь по форме. Во всех случаях виновников разыскивают в чужих странах. Такие проявления в зарубежной литературе уже подвергались критике советской историографией. Отечественный же вариант этого подхода привлек внимание лишь в самые последние годы. Но вместе с признанием определенной ответственности сталинизма возникло прямо противоположное заблуждение — недооценка принципиальных особенностей второй мировой войны, фашистской формы империализма. Борясь с «низкими истинами», М. Майн полагает «целесообразными» появление фашизма и его агрессию против страны победившего Октября». «Большой ли грех (на месте западных держав. — Авт.) столкнуть лбами в одном конфликте две чудовищные тоталитарные системы?» Ряд наших соотечественников наивно полагают, что в случае его победы Гитлер подарил бы им строй и уровень жизни современной ФРГ. П. Карп отвергает тезис о Гитлере как «спасителе» от сталинизма и считает, что с победой фашизма в СССР не изменилось бы многое. «Прибавиться могло лишь национальное угнетение русского народа да уничтожение евреев и цыган». Как мало в этом подлинного знания и морали! Запад следовал в первую очередь не «антитоталитарным», а старым имперским принципам («разделяй и властвуй»). Если бы Гитлер напал на преисподнюю, Запад предложил бы союз и сатане. Можно ли ставить, далее, на одну доску агрессора и его жертву? Насколько гуманны наши

оппоненты? За «лбами систем» стоят миллионы живых людей. Может быть, они тоже — «чудовища»? Мысль — «лишь угнетение и уничтожение» — не нуждается в пояснениях. Наши критики забывают, что с победой фашизма погиб бы не только сталинизм, но и любая негерманская государственность, любая цивилизация и не только в Восточной Европе. И поныне живы смердяковы: «хорошо, кабы нас тогда (в 1812) покорили эти самые французы»...

II

Эти заблуждения связаны с опасным отождествлением фашизма и социализма, констатированием ложного тезиса о «коричнево-красной чуме», вполне отвечающего интересам крайней реакции. На Западе, как показал недавно Л. Люкс (ФРГ), это давно поняли. На Востоке политикам и обществуведом, очевидно, понадобится собственный неудачный опыт. В 1989 г. Философским обществом СССР был издан сборник статей и других материалов «Тоталитаризм как исторический феномен». Большинство его соавторов не критически восприняли известную доктрину, от которой многие зарубежные ученые отказались в той или иной мере еще два-три десятилетия тому назад. В сборнике отражен и разлад, свойственный еще сохранившимся западным адептам доктрины в определении этого «феномена». Некоторые из них видят его суть в подавлении парламентской демократии, использовании террористических методов, идеологизации общества. Другие считают «тоталитаризм» лишь «одним из крайних проявлений власти». Третьи — как «специфическое понятие XX в., характеризующее особый тип взаимодействия массы с харизматическим лидером». В СССР после 1985—1988 гг. многие приняли термин «тоталитаризм» бездумно, другие — не желая оскорбить словом «сталинизм» память «великого вождя», третьи — подменяя критику сталинизма очередным ниспровержением марксизма-ленинизма. Так они стали запоздалой жертвой пропаганды Сталина и Гитлера, которые пытались представить свои режимы социалистическими. А. Б. Пумпянский считает вполне сходными «гитлеровский национал-социализм и сталинизм-социализм». Показывая негодность такого суждения, известный исследователь фашизма Р. Кюнль (ФРГ) замечает: если между фашистами и коммунистами нет разницы, то почему в 1933 г. выбор монополий пал на первых.

Отвергая равенство фашизма и социализма, нельзя отрицать сходство сталинизма и гитлеризма. Сталин и Гитлер дали имена наиболее антигуманным деспотиям. «Избегать новых гитлеров и сталиных» — главный урок XX в. (Р. Конквест). Отчасти сходны условия возникновения этих режимов. В России и Германии в 1914 и в последующие годы произошли наиболее жестокие в их истории потрясения (войны и революции), общества не смогли воспользоваться мировым опытом борьбы против самовластья, новый социальный строй к моменту контрреволюционных переворотов Сталина и Гитлера не успел окрепнуть. Однако сталинизм сформировался в условиях разрушения капиталистических отношений, гитлеризм — на базе их укрепления. Сталин, разрушив общество, опирался в первую очередь на сформированные им аппарат и карательные органы. Гитлер же вступил в сделку с наиболее реакционными и агрессивными кругами промышленности, гражданского и военного чиновничества. В создании систем большую роль сыграли сами «вожди». Многие черты их характеров совпадали (мании величия и преследования, презрение к людям, жестокость и лицемерие, низкая культура, некомпетентность, догматическое мышление и др.). Однако, Сталин добился абсолютной власти, власть же Гитлера была ограничена старой и новой элитой. Рядом с ним были другие реальные лидеры — Розенберг, Геббельс (идеология), Геринг, Шпеер и стоявшие за их спиной влиятельные капиталисты (экономика), Нейрат, Риббентроп (дипломатия), Рэм, Гиммлер (СА, СС), Гесс, Борман (НСДАП), генералитет. По мнению Р. Эдмондса (Англия), автора книги «Большая тройка» (Черчилль, Рузвельт, Сталин), лидер СССР обладал наибольшей личной властью и в наименьшей мере считался с объективными условиями, в чем одна из причин гигантских потерь страны.

При сходстве политической и идеологической систем вождизм развивался на разных социально-экономических основах. В СССР — на базе государственной собственности, в Германии — крупной, средней и мелкой частнокапиталистической, акционерной, государственной. В СССР были уничтожены крестьянство как класс, старая интеллигенция, морально и политически разложены рабочие. В Германии общество было сохранено. Там и там было «хозяйство под принуждением», но эта формула в Германии в полной мере справедлива лишь относительно иностранных рабочих. Сталинизм в экономике воспроизводил своеобразный государ-

ственный капитализм. Она находилась в руках чиновников, в ее развитии мало кто был заинтересован, методы хозяйствования были патриархальными, формы труда, как правило, примитивны. Сталинизм хищнически эксплуатировал огромные людские и материальные ресурсы страны. Сторонники тезиса о «тоталитаризме как форме модернизации» не учитывают, что СССР нуждался в индустриализации, а Германия — в регулируемой рыночной экономике. Обеим странам это обновление обошлось очень дорого (гитлеровская модернизация — это в конечном счете война), однако цена, заплаченная СССР, была в несколько раз больше.

Внешняя политика сталинизма и гитлеризма, на первый взгляд, также сходны: претензии на руководство миром, милитаризация общественной жизни, презрение к пацифизму. Однако, как показали новейшие исследования немецких историков, в развитии Германии 1933—1945 гг. очень многое определялось именно внешней политикой. В СССР же она носила подчиненный характер — самоизоляция, забота о том, чтобы выжить в капиталистическом окружении. Внешняя политика СССР в большей степени определялась не догмами, а традиционными геополитическими интересами страны. Милитаристские свойства сталинизма не афишировались. Они стали открыто проявляться лишь начиная с 1939—1940 гг. Как уже отмечалось, фашизм был главным виновником войны.

Обе системы отличал национализм. Но и здесь различия весьма велики. Сталинизм, повинный в депортации целых народов, открыто не проповедовал расовую и национальную нетерпимость. Дружба и равноправие были официальными лозунгами, они в большой мере были осуществлены. Эти ценности были восприняты многими, что позволяло режиму скрывать свою сущность. Альфой и омегой гитлеризма был расизм. Он повинен в геноциде. И сталинизм, и гитлеризм в высшей степени аморальны и противоправны. Там и там — политические убийства, концлагеря. Но преступления первого были направлены главным образом против «собственного» народа, второго — против лиц не немецкой национальности. По политическим мотивам первый уничтожил многие миллионы советских граждан, второй — несколько десятков тысяч немцев. Сталин и его окружение, как правило, стремились соблюсти общепринятые нормы содержания чужих военнопленных, но подвергали преследованиям своих. Гитлеровцы сознательно истребили миллионы плененных крас-

ноармейцев. К возвратившимся же из плена немцам относились терпимо.

Обе разновидности авторитаризма отличались исключительной лживостью, они выступали под чужим революционным, социалистическим флагом, в их пропаганде большое место занимали образ врага, психология осажденной крепости. Совпадали многие приемы пропагандистской деятельности (явное и тайное уничтожение книг, волевое вмешательство в искусство). Непомерно преувеличивалась «историческая» роль «вождей», их близость и верность народу. Воспитанное с помощью государственно организованной лжи уважение людей к ним бессовестно эксплуатировалось. Пропаганда и бесконтрольность высшей власти порождали уверенность диктаторов в собственной незаменимости. Однако, культ «вождя» в Германии не приобрел таких размаха, глубины, уродливых форм, как в СССР.

Общей для режимов является формула крайней исключительности, при Гитлере — расовой, при Сталине — классовой. Фашистский принцип «народной общности», социального партнерства, хотя и во имя сугубо несправедливых целей, способствовал сплочению немцев. Принцип продолжал действовать и после устранения фашистской идеологии. Основу же внешней и внутренней политики Сталина составлял пагубный тезис о непрерывном и прогрессирующем обострении классовой борьбы. Новые антимарксисты переняли ложное представление о том, будто бы для сталинизма характерен лозунг «ничего, кроме коммунизма», для гитлеризма — «все, кроме коммунизма». Но «сталинский коммунизм» был лишь ширмой деспотии, а утверждение об «антикоммунизме» Гитлера — полуправда. Далеко не всегда его идеологию и практику определял антикоммунизм. Таковы, например, глобальный характер его завоевательной программы, его антисемитизм. Неверно полагать, что обе «системы» отрицали прошлое, семью, религию, искусство, культуру, науку. Фашисты проводили сравнительно осторожную и более гибкую политику. В защиту «немецкой семьи», например, они приняли даже законодательные меры. Их идеология, механически соединяющая разнородные взгляды, привлекала различные слои населения — от безработных до владельцев монополий, апеллировала и к патриархальным традициям, и к обновлению.

Гитлеризм был несравненно более расчетливым. Нельзя согласиться с ранним тезисом о нем как «революции ниги-

лизма». Он стремился взять все, что могло оказаться полезным. Так, широко использовался патриотизм зарубежных немцев. Сталинизм же объявил вне закона не только всю российскую эмиграцию, но и тех советских граждан, которые имели родственников за границей. Различно отношение к церкви. Гитлеризм в отличие от сталинизма осуществлял достаточно сильную социальную политику. Власти учитывали непопулярность войны, опасались новой революции. В фашистской Германии допускались забастовки, привлекались к ответственности отдельные предприниматели за отступление от кодекса «народной общности». Права трудящихся были урезаны, но уровень их жизни оставался и во время войны сравнительно высоким.

Представление о широком взаимопроникновении и взаимодействии сталинизма и гитлеризма не подтверждается достоверными источниками. Сведения об этом отрывочны. Утверждение Геллера о Гитлере как «прилежном ученике Ленина и Сталина» бездоказательно. Таким «учеником» Ленина можно с большим основанием считать Рузвельта. Различна продолжительность существования режимов, их влияние на развитие СССР, Германии и других стран. Роль преемников гитлеризма после 1945 г. незначительна, открытые же преемники сталинизма в ряде стран вплоть до 90-х гг. занимали господствующие позиции. Огромное влияние оказал исход войны. Разгром и полная дискредитация гитлеризма не только реабилитировали сталинизм в глазах обывателей, но и небывало подняли его авторитет. Гитлеризм не пустил таких глубоких корней, не оказал такого разрушительного воздействия на общество. Порожденный империализмом, он не посягал на устои буржуазного строя и, в конечном счете, способствовал укреплению в ФРГ государственно-монополистического капитализма. Опираясь на неразрушенные экономические и социальные структуры, при сравнительно небольших военных расходах, руководство ФРГ обеспечило ее успешное возвращение в мировое сообщество.

Отмечая некоторые общие черты сталинизма и гитлеризма, мы не можем сказать о совпадении этих систем. Их различия настолько значительны, что о «тоталитаризме» может идти речь лишь как о мифе, но не реальном явлении. Созданная антикоммунистами сугубо агитационная схема «фашизм-гитлеризм-сталинизм-социализм» рассыпается при конкретно-историческом исследовании. За семь десятилетий существования доктрины ее сторонники не сумели выделить

ни одного признака «тоталитаризма», который не был бы опровергнут. То, что предлагалось в качестве родовых черт, на поверку оказывалось присущим многим другим социальным явлениям. В годы «холодной войны» доктрина успешно использовалась в пропагандистских целях против СССР. Ее применение в науке в качестве методологического принципа лишь тормозило развитие знания. Доктрина многого не смогла объяснить, в частности, почему, несмотря на утверждаемое их родство, «конфликт между правым экстремизмом и коммунизмом относится к наиболее острым противоречиям новейшей истории» (Люкс). Перенесенная в СССР доктрина отнюдь не усилит политические и тем более научные позиции ее новых приверженцев. Это лишь на время прикроет тот непреложный факт, что наиболее опасные последствия сталинизма сохранились в стране отнюдь не в «красных» и «коричневых» движениях. Сравнительный анализ сталинизма и гитлеризма показывает нецелесообразность и необоснованность отнесения этих двух разновидностей авторитаризма XX в. к «тоталитаризму». В целом применение этого понятия нужно считать мошенническим, хотя его могут употреблять и по незнанию.

III. КТО И КАК РУКОВОДИЛ ВОЙНОЙ?

I

Здесь мы выделяем три вопроса, до сих пор освещенных слабо или противоречиво: провал сталинистской дипломатии и стратегии в 1941 г., основные черты сталинистского руководства войной, цена победы СССР. Сталин и сталинисты приложили очень большие усилия, чтобы замаскировать катастрофу РККА в первый период войны, ответственность за нее и ее последствия. Тем не менее им удалось соорудить лишь весьма слабую схему доводов. Это — умышленное подчеркивание «вероломства фашистов»; двусмысленное утверждение о внезапности нападения без указания ее сути и виновников, ложные тезисы о военно-техническом превосходстве вермахта над РККА в момент нападения, об использовании им уже 22 июня всего военно-экономического потенциала завоеванных стран; внешне правдоподобные тезисы об отмотобилизованности вермахта и овладении опытом современной войны; влиянии быстрого поражения Франции и отсутствии второго фронта; «самоуспокоенности», «благодарности» населения и армии, «недисциплинированных красноармейцах и командирах», «перепуганных интеллигентах», некомпетентности и измене генералов.

Страстью к теоретизированию можно объяснить жалкие попытки создать конструкции о нациях «миролюбивых и агрессивных», о контрастности как спасении чуть ли не от всех военных бед. Особое место занимают рассуждения о том, что приведение в боевую готовность РККА дало бы фашистам «повод» напасть на СССР, хотя всему миру уже тогда было известно, что агрессоры сами сочиняют необходимые им «поводы», а нападения совершаются вследствие причин, а не «поводов». Тактика «не дать повода» дала пла-

ческие результаты, она лишь дезориентировала население СССР и еще больше поощрила агрессора.

Ряд историков СССР и ФРГ показали, что Восточный фронт вермахта вместе со своими союзниками, по крайней мере, не превосходили по силам и средствам советские приграничные военные округа. Превосходство вермахта возникло лишь после катастрофы. Другие специалисты, главным образом немецкие, считают, что 22 июня Германия довольствовалась в основном собственным потенциалом. Возможности завоеванных стран по существу не были использованы. Характерно, что до проведения тотальных мобилизаций вермахт побеждал, после них стал терпеть поражения. Он абсолютизировал опыт западных походов, оказавшийся во многом неприменимым против СССР. РККА овладела опытом не только своим, но и зарубежным. Однако, его носители — прогрессивно ориентированные командиры были уничтожены Сталиным и его приспешниками. Примитивны их ссылки (это повторяют Ю. А. Поляков, О. А. Ржешевский и др.) на быстрое поражение Франции и отсутствие второго фронта. Почему оборона СССР должна была зависеть от стойкости или милости зарубежных государств? Сталин 24 мая 1945 г. упомянет вскользь об «ошибках» правительства и поблагодарит русский народ за «терпение». Но это было сплошным лицемерием. «Вождь» знал, какими мерами добивался он этого смирения. П. А. Жилин, пытаясь «усовершенствовать» схему доводов, выдвинул на первый план деление причин поражений на объективные и субъективные. При ближайшем рассмотрении все они оказываются вполне субъективными. Все объяснялось порочным руководством. Тезис «история отвела СССР мало времени» также несостоятелен. Развитие советской экономики в годы войны показало, какими возможностями она обладала и как плохо их использовали правители. По некоторым данным, репрессии и небоготовность РККА в июне отбросили страну в экономическом отношении к середине и даже к началу 30-х гг.

В понятие «внезапность» Сталин намеренно вкладывал бытовой смысл: будто бы в СССР не знали об агрессии. Во-первых, он лгал: о скором нападении знали миллионы людей, особенно в приграничье. Во-вторых, наличие сведений не исключает внезапности. Ее суть в неспособности войск немедленно вступить в бой. Ныне часть историков в той или иной мере признает внезапность нападения вермахта — в

«тактическом и оперативном» или «морально-психологическом» значениях слова. С этим нельзя согласиться. Внезапность была всеобщей, она поразила армию и тыл, от рабочего и красноармейца до «вождя», его наркомов и генералов. Под ее страшным знаком проходили не отдельные бои, а вся война, вся жизнь народа.

Истоки внезапности — предмет многих манипуляций. В ней повинен не только «коварный враг», но и собственное безответственное руководство. Это по его вине войска не были мобилизованы, не приведены в непосредственную готовность, война началась с избиения спящих безоружных, не защищенных даже простыми инженерными сооружениями людей. Встретить врага в казармах и палатках, на известных ему аэродромах и полигонах — лучший способ погубить армию или сдать ее в плен. Все это — следствие более глубокой причины. Военно-политическое руководство СССР находилось в состоянии шока не только непосредственно перед нападением, но в течение всего 1941 г. Ни о какой «трезвой оценке внутри- и внешнеполитического положения СССР» (Вишлев) не может быть и речи. Шок проявился в шатаниях Сталина от «умиротворения» (пакты 1939 г.) до сокращения поставок Германии, демонстративной переброски больших масс войск на Запад, призыва запасных, затем снова — к пресмыкательству перед фашистами. Над заявлением ТАСС 14 июня Берлин смеялся. В течение всего этого времени руководство СССР пренебрегало реальными сведениями о противнике, его силах и намерениях. Скванное Сталиным, оно бездействовало или предпринимало явно недостаточные действия. Вывод о шоке подтверждается сейчас многочисленными документальными и мемуарными материалами. Шок выражался в поведении Сталина и его приближенных, НКО, генштаба, ставки, их бестолковых приказах, готовности сдать Ленинград и Москву и т. д.

Главы всех трех крупнейших государств антифашистской коалиции допускали просчеты. Жестоко ошибся Рузвельт, и произошло поражение в Пёрл-Харборе. Но оно представляется малозначительным по сравнению с катастрофой РККА. Главным виновником того, что нападение оказалось внезапным, был Сталин. Абсолютный властитель категорически запрещал военным выполнять их элементарные обязанности в условиях приближающейся войны. На фоне его призывов к бдительности перед лицом неизбежного нового похода против СССР все это представляется особенно нелепым. Наряду

со Сталиным ответственны Тимошенко, Жуков и другие руководители РККА, военных округов и армий, по меньшей мере. В условиях культа, по мнению Волкогонова, «трудно винить наркомов, Главный военный совет...». На самом деле условия тирании объясняют слепое соглашательство членов политбюро и наркомов, маршалов и генералов, но несколько не оправдывают их. Когда на карту поставлена жизнь десятков миллионов соотечественников, слова Жукова о его «вере в непогрешимость Сталина» напоминают детский лепет. Тем более, что ему был уже известен великий военный конфуз Сталина, например, в Финляндии.

Ответственность за внезапность усугубляется тем обстоятельством, что в данном случае речь идет о простейших вещах. По мнению Жомини (1837), после изобретения огнестрельного оружия производить внезапное нападение стало весьма затруднительно. Оно бывает возможным лишь в том случае, если армия забудет основные требования полевой службы, и ей самой придется выполнять роль передовых постов. Меры против внезапного нападения, подчеркивает историк, предусмотрены уставами всех армий. Их только надо в точности исполнять. Он сообщает, как в 1812 г. под Тарутиным Мюрат был внезапно атакован и разбит Кутузовым, и как впоследствии пытался оправдываться. По мнению Жомини, Мюрат дал застать себя врасплох лишь по своей непростительной оплошности.

Влияние фактора внезапности, подаренного противнику, нельзя ограничивать лишь рамками 1941 г. (Поляков.). Главным образом вследствие этого противник уничтожил или пленил в течение нескольких месяцев 90% войск западных округов, то есть основу кадровой армии, уничтожил или захватил огромное количество вооружения и припасов, в том числе почти все танки, самолеты. СССР потерял большую часть населения, гигантскую территорию, экономически наиболее развитую. Перебазирование производительных сил на Восток сыграло свою роль, но во что обошлось оно, какую часть этих сил удалось спасти, до сих пор не известно. Агрессоры реализовали старый принцип «война кормит войну». Прямым следствием внезапности был голод. По мнению В. Москоффа (Англия), автора книги «Горький хлеб. Продовольственное снабжение в СССР во время второй мировой войны», большинство советских граждан жили в это время «на грани жизни и смерти».

Внезапной для Сталина и его советников окажется и

операция «Гайфун», вследствие чего была поставлена под угрозу судьба не одной лишь Москвы. Этот зловещий фактор преследовал нас в течение всей войны. Мы отвергаем тезисы приказа Сталина 23 февраля 1942 г.: «момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью»; судьба войны будет решаться «постоянно действующими факторами». Страшный шлейф внезапного нападения тянется через все послевоенные десятилетия. В долгосрочном плане пагубные влияния вызванных им жертв и материальных потерь очень велики. Их необходимо исследовать специально. Но уже сейчас можно сказать, что нет ни одной области общественной жизни, в которой не просматриваются следы той катастрофы. Сошлемся, в частности, на «синдром 1941 г.», под влиянием которого (и не только в СССР!) до сих пор развивалось крайне расточительное военное дело.

Внезапность была в определенной степени нейтрализована исключительными духовными силами народа и армии. Особую роль в 1941—1942 гг. сыграл геополитический фактор СССР, в частности, огромная территория, развитая экономика. В последующие годы увеличилось влияние на ход войны западных союзников, антифашистских движений народов. Патриотический порыв в СССР, который широко освещен, был лишь одной стороной дела. Характерны в этом отношении недавно введенные в научный оборот документы из секретных фондов. Летом и осенью 1941 г. отмечались такие высказывания: «Гитлер русским ничего не сделает, только будет бить евреев»; «для меня все равно, что Гитлер, что советская власть». Была распространена ложная оценка фашизма и его целей в Восточной Европе: «Война идет между нашим и немецким правительством, а народ с обеих сторон воюет по принуждению». Особенно в октябре в Москве участились проявления антисоветизма и антисемитизма, усилилась растерянность руководства и обывателей. «В Москве, — говорили люди друг другу, — надо поступить так же, как поступили во Франции, открыть ворота и впустить немцев». Документы отражают слухи об «измене» Тимошенко, Павлова, самого Сталина. Нельзя считать источником этих суждений лишь фашистскую пропаганду. Сами события приводили людей к антиправительственным выводам. Память одного из авторов этих строк сохранила гневные слова молодой учительницы из Новохоперска, где формировался 1110-й полк 329-й стрелковой дивизии: «Где

ваши обещания воевать на чужой территории, немцы вот-вот возьмут Воронеж?».

Стал доступным документ генштаба РККА от 15 мая 1941 г. Он касается двух интересующих нас проблем, скажем о нем особо. Определенная группа авторов в СССР и за рубежом пыталась представить его как сенсацию. Это — доклад И. В. Сталину С. К. Тимошенко и Г. К. Жукова, составленный А. М. Василевским и Н. Ф. Ватутиным. Доклад опирался на более ранние разработки генштаба, в частности, на «Основы стратегического развертывания РККА», одним из авторов которых был Шапошников (1938). Доклад исходил из того, что Германия завершает подготовку нападения, стремясь «ПРЕДУПРЕДИТЬ» нас в развертывании и нанести внезапный удар». Вопреки ранней оценке Шапошникова авторы полагали, что ее главные силы сосредоточены южнее Бреста. Василевский и Ватутин считали необходимым «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию» с целью разгрома ее главных сил. Основной удар наносился бы силами Юго-Западного фронта в направлении Краков, Катовице с задачей отрезать Германию от ее южных союзников.

С точки зрения политической этот документ едва ли вносит что-либо существенно новое. О наступательных намерениях Красной Армии («бить врага на его территории») в СССР в 30-е — начале 40-х гг. говорили постоянно и во весь голос. Снова подчеркнул это Сталин в речи перед выпускниками академий РККА 5 мая 1941 г. Больше того, он и на деле пытался «бить врага» в поверженной Польше и малой Финляндии. На доклад ссылаются В. Б. Резун, б. полковник главного разведывательного управления генштаба (ГРУ), издавший на Западе книгу «Ледокол» под псевдонимом В. Суворов, и его последователи в СССР. Сбрасывая со счетов агрессивность гитлеризма, они пытаются представить его Восточный поход в виде оборонительной меры. Но, определяя политический характер войны, наука обращается не к способам действий, а к целям воюющих сторон. Эта проблема была разработана Жомини еще в начале XIX в. Он показал, что нападение отнюдь не всегда равносильно захватнической войне. Нельзя смешивать наступательное с агрессивным. Дело не в том, кто кого «упредил», кто на кого «напал», чьи войска на чьей территории. В 1944—1945 гг. США «напали» на Германию, а СССР — на Японию. Одна-

ко наука не считает их агрессорами, и не потому, что они стали победителями.

В чисто военном отношении документ также не представляет большого значения. Вполне нормально, что в штабах разрабатываются различные варианты действий на случай войны. Они далеко не всегда обусловлены политическими целями государства. В случае с советским генштабом дело не в том, что он разрабатывал наступление. Очень плохо то, что те или иные оптимальные варианты действий стали разрабатываться слишком поздно и в таком узком кругу, что осуществить их исполнители этих планов 22 июня оказались совершенно не готовы.

Доклад едва ли существенно влияет на трактовку не только генезиса войны, но и поражений 1941 г. Нельзя отвергать тезис о просчетах Сталина и его советников, сосредоточивших основные силы на южном фланге, в то время как противник готовил главный удар в центре. По мнению Б. Н. Петрова, такое сосредоточение не было следствием просчетов. Оно соответствовало намерениям разгромить врага на его территории. По данным автора, на «львовском выступе» было 4200 танков, в том числе подавляющее большинство имевшихся в западных округах новейших танков. Но разве на самом деле главные силы вермахта не находились в центре, а РККА — на юге? Независимо от способа предстоявших действий разве командование РККА не просчиталось в оценке направления главного удара противника, разве не на минском направлении ее фронт был смят немедленно, а на Киевском — позднее? Публикация документа лишь усиливает мнение о шоке, в состоянии которого пребывало советское руководство, о борьбе самых различных тенденций — реалистической (весьма слабой), авантюристической и оппортунистической (возобладавших в конечном счете). Грубо переоценивая способность РККА не только немедленно остановить противника, но и разбить его на чужой территории, Сталин вплоть до конца сентября не отказывался от мысли о контрнаступлении Западного фронта. 22 июня [группировка РККА не отвечала задачам обороны, не была готова и к наступлению.

II

Внезапность повлияла на формирование сталинистского метода руководства войной, хотя его глубокие причины не-

обходимо искать в массовых политических убийствах 30-х гг., в конечном счете — в самой деспотии. На наш взгляд, это руководство в первую очередь характеризуют некомпетентность, антидемократизм, особенно бюрократизм, безнравственность, часто переходящая в жестокость. Эти черты органически связаны друг с другом, что наиболее ярко показывают приказы № 270 и № 227, лишь недавно опубликованные в СССР.

Имея в виду непрофессиональность руководства, необходимо подчеркнуть, что «старую партизанщину», ее «страшные следы», о которых говорил Ленин на VIII съезде РКП(б), попытки обойтись без военной науки Сталин и его люди перенесли из гражданской войны. В. И. Ленин, обращаясь к К. Е. Ворошилову, говорил тогда: «...может быть, нам не пришлось бы отдавать эти 60 000, если бы там (на Царицынском фронте. — Авт.) были специалисты, если бы была регулярная армия...». Такая параллель не покажется преувеличением. Оставив в 1941 г. многие кадровые соединения на поле боя, новую армию создавали в ходе войны. «Партизанский» стиль характеризовал далеко не один лишь ополченческие дивизии РККА. Конечно, не все выглядело так однозначно. Даже Сталин не только в агитационных выступлениях, но и приказах порицал подчас дилетантство. 27 мая 1942 г. в записке С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущеву, И. Х. Баграмяну он писал: «Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением». В целом это осталось благим пожеланием. К концу войны положение улучшится, но далеко не кардинальным образом.

Некомпетентность долгое время пытались скрыть за высокопарными рассуждениями о победе и ее значении, роли СССР в разгроме фашизма. При этом умалчивали, во что обошлась СССР победа. Ответственность же за жертвы и материальные потери возлагали на агрессоров, что является лишь полуправдой: фашисты оказались в центре страны не без вины командования РККА. Изучение руководства было заменено пропагандой нескольких мифов. Первый из них — о «великом стратеге». В качестве одного из доводов приводится официальный призыв «За Родину, за Сталина!» (ср.: «За веру, царя и отечество!», «За фюрера, народ и отечество!»). Однако, разве вера народа в самодержца, если даже она была, может служить доказательством достоинств этого самодержца? В действительности Сталин не был ни

«великим» полководцем, ни полководцем вообще. По своим деловым качествам, отсутствию элементарной военной подготовки он и не мог быть таким. Он был незаурядным администратором, искусным демагогом и узурпатором. Вторгаясь во все сферы руководства, ни одной из них он не владел в совершенстве. Неумным восторгом приближенных по поводу его достоинств противостоят трезвые сведения других участников событий о бестолковых и крайне вредных решениях Сталина по сугубо специальным вопросам военного строительства, вооружения, ведению боевых действий.

Функции главнокомандующего не хуже Сталина мог бы выполнить любой из 10—15 советских профессиональных полководцев. Напомним, что в аналогичных условиях наиболее авторитетные лица в государствах (Ленин, Рузвельт), сохраняя общее руководство, не вмешивались в управление фронтами. К сожалению, в условиях 1941 г. даже не вставал вопрос о целесообразности назначения дилетанта командующим. Нельзя отрицать его реального участия в разгроме агрессоров, его громадного влияния на людей и события. Но наивно распространять ложные тезисы типа «Сталин — творец индустриализации» и на военную победу. Его заслугой в лучшем случае было то, что он не мешал осуществлению решений, выработанных генштабом, как правило, совместно с фронтами. Но наука должна еще сопоставить это с тем ущербом, который нанес Сталин. Напомним здесь лишь один из его принципов: «несмотря ни на какие жертвы». Это красной нитью прошло через многие его приказы. «Любой ценой», «стоять насмерть» — не были лишь лозунгами, это стало правилом многих командиров.

Разгром вермахта под Москвой, Сталинградом, Курском с точки зрения чисто оперативного искусства не превосходил аналогичные операции вермахта 1941 г., а по непосредственным результатам уступал им. Тем более, что Восточный поход вермахта осуществлялся по той же схеме, что и его предшествующие походы. Их опыт ничему не научил Сталина. Историки не объяснили еще громадные потери РККА в сражениях 1944—1945 гг., когда ее превосходство было очевидным. Честные ученые и мемуаристы шаг за шагом разрушают миф о Сталине, показывая, что самые прославленные «его» победы не были безупречными. Такова Сталинградская битва. Каким было, например, соотношение потерь в ее операциях, кто ответствен за гибель оперативной группы генерала Г. Ф. Захарова, преградившей 14—19

декабря 1942 г. в междуречье Аксай — Мышкова путь преследующим силам противника, пытавшегося деблокировать армию Паулюса? Кровопролитные наступательные операции последующих лет войны имели своим результатом скорее простое вытеснение, чем уничтожение или пленение противника. Одним из проявлений некомпетентности был авантюризм, свойственный, очевидно, любой автократии. Так, узкоагитационный принцип «бить врага малой кровью на чужой территории» никак не был подкреплен в военно-техническом и иных отношениях. ВМФ мог выполнять лишь оборонительные задачи, дальняя авиация, как и воздушно-десантные войска, были слабыми. В различных формах авантюризм проявился в ходе всей войны. И, наконец, о главном показателе военного искусства. Дело стратега — победить в войне. Но ни один из них не заслужил еще славы, если цена победы была непомерна. Недаром ставшие нарицательными слова «пиррова победа» пережили тысячелетия. Сохранить максимум жизней не только своих, но и противника, — это не только нравственная задача. Люди — главное достояние нации. Это было недоступно пониманию Сталина.

Второй миф — о сталинской полководческой школе также имеет пропагандистское происхождение. В СССР ее никто не исследовал. На наш взгляд, о существовании единой такой школы говорить нельзя. Водораздел между профессионализмом и некомпетентностью, добром и злом прошел и через эту ячейку общества. Не могут быть сведены в одну «школу» необразованный Буденный, карьерист Штеменко с Василевским и Ватутиным. Новые полководцы также не были едины. Жуков и Рокоссовский, например, весьма по-разному относились к средствам достижения цели операции, да и войны в целом. К мифам военных и послевоенных лет примыкает получивший распространение в 80—90-е гг. тезис о «великом полководце» Жукове. Методика его сочинителей проста. Все негативное в биографии маршала — от его весомой ответственности за 1941 г. до грубых просчетов, приведших к жестоким потерям в Берлинской операции, — обходят молчанием, общие же достижения РККА приписывают одному Жукову («выиграл войну», «спас Москву и Ленинград...»). Забывают также, что Жуков на протяжении всей войны был весьма близок к Сталину; что, по меньшей мере, глупо на счет Сталина зачислять поражения и жертвы, а на счет Жукова — победы, спектакль в Карлсхорсте и парад в Москве.

Ставший нам доступным доклад полковника генштаба К. Ф. Васильченко о попытке освободить Вязьму в январе—апреле 1942 г., предпринятой по инициативе и приказу Жукова, показывает, что порочным был образ действий не только одного «верховного». Это было свойственно, по меньшей мере, и ряду командующих, в частности, Жукову. Суждения его самого весьма противоречивы. После войны на встрече с историками на вопрос о судьбе М. Г. Ефремова и П. А. Белова он ответил: «Там, собственно говоря, и операции никакой не было. Прорвались. Ефремова отсекли, Белова отсекли. Они остались в тылу...». Но в эти месяцы была предпринята под общим командованием Жукова Ржевско-Вяземская операция войск Калининского и Западного фронтов. Ее цель — разгром главных сил группы армий «Центр». Он явно не хотел говорить всей правды. Не только Сталин, но и Жуков недооценил противника на этом направлении. Сколько советских дивизий погублено под Ржевом, неизвестно. События же под Вязьмой стало возможным в какой-то мере осветить. Силы и средства, выделенные для освобождения города, были крайне недостаточны; взаимодействие 33 армии (командующий — Ефремов) и других войск организовано плохо; 113, 160, 329, 338 стрелковые дивизии не имели должного прикрытия и обеспечения, фактически были брошены на произвол судьбы. Объединившая эти дивизии армейская группа во главе с Ефремовым выполнила сомнительный приказ Жукова и погибла в неравном сражении.

Наш источник не вызывает сомнения. Васильченко по поручению западного направления оперативного управления генштаба подготовил обзор, входивший в серию «Материалы по изучению опыта операций». Документ 27 июня 1942 г. получил высокую оценку военкома управления И. Н. Рыжкова, который назвал его «большой, серьезной работой». Один из авторов этих строк беседовал с генералом в ноябре 1991 г., незадолго до его кончины. Доклад одобрил и военком генштаба. Рыжков предписал хранить документ в делах направления — «он еще понадобится». Обзор заканчивается выводами: руководство Западным фронтом исходило из «неправильной оценки противника и его боеспособности», «оперативный замысел операции... не соответствовал наличию сил и средств»; «Западный фронт погнался преждевременно за большими целями», действуя «растопыренными пальцами»; не было «тесного взаимодействия» между ар-

миями; фронт «не создал мощной группировки» для действий на решающем направлении, «силы и средства были равномерно распределены по всему огромному фронту»; «громкие приказы» командующего не отражали положения дел, и оставались «ненужной бумагой»; авиация, танки, артиллерия использовались нерационально; взаимодействие родов войск не было организовано; западная группировка 33-й армии доблестно дралась до конца; при недостатке боеприпасов и продовольствия в течение 2,5 месяца, действуя в полном отрыве от своих войск, она наносила большой урон противнику и сковывала крупные его силы.

Другой роковой чертой руководства был бюрократизм. Официальная историография сообщает о нормальном функционировании во время войны государственных и партийных органов, о коллективном руководстве, о дальновидных решениях ГКО и т. п. Однако, начавшийся перед войной отход от революционных традиций РККА в сторону крайней антидемократизации в этот период резко усилился. На основе нового дисциплинарного устава сложилась почти неограниченная власть начальников при минимуме прав и социальной обеспеченности подчиненных. Нарастали отчуждение генералов и офицеров от рядовых, унижение человеческого достоинства. Возрождался культ казармы, муштры, шагистики. Номенклатура, характерная для системы, сформировалась и в РККА. Она была фактически вне критики.

Наспех созданное в начале войны чрезвычайное руководство характеризовала сильная неразбериха. ГКО, ставка, ЦК ВКП(б), СНК, НКО часто дублировали друг друга. Вследствие соединения в лице Сталина партийного, государственного и военного руководства и других причин сферы деятельности названных органов не были разграничены. Как свидетельствуют мемуаристы, приходя в Кремль, они не понимали, где их ругают — в ГКО, политбюро или ставке. Фактически за все эти органы решал Сталин. Людей с авторитарным мышлением умиляет такое положение — для войны был нужен именно такой режим. Но для твердой и эффективной власти совсем не обязательна тирания. Среди бюрократических образований военных лет отметим введение вредных промежуточных звеньев в виде Западного, Северо-Западного и Юго-Западного направлений как надстроек над фронтами. По крайней мере, спорным был институт представителей ставки на фронтах. Большинство их были бездарными. Но и талантливые среди них часто лишь

подменяли командующих фронтами. Уезжая на фронт, они перекладывали свои основные обязанности на заместителей.

Бюрократия немалыма без болезненно преувеличенного внимания к организации контроля сверху вниз, информации снизу вверх. Под чьим только контролем не приходилось действовать на фронте командиру. Это и военные советы, политические управления и отделы, военкомы, позднее — заместители командиров по политчасти, подчинявшиеся самому командиру, но сохранившие непосредственное подчинение и политотделу. Это представители ставки и генштаба, это контрразведка «Смерть шпионам» («Смерш»), орган ведомства Берии в армии. Это и военная юстиция, и органы госконтроля — по части хозяйственной.

Бюрократические процессы в вооруженных силах нельзя рассматривать вне преобразования ВКП(б), осуществленного Сталиным и его группой в 30-е гг. Право выступать от имени ВКП(б) захватили Сталин и его группа, после его смерти — несколько сот высших чиновников. Подавляющее же большинство партийцев стали статистами. Бюрократизация партии резко усилилась накануне и во время войны. Были введены институт назначаемых партторгов ЦК и других комитетов, политотделы вместо комитетов, назначение секретарей вместо их выборов, определенных уставом. Приобрело огромное влияние управление кадров ЦК (Г. М. Маленков). Свыше 40 его отделов назначали руководителей во всех областях жизни страны. В свете сказанного едва ли правомерно рассматривать в качестве органов партии армейские политотделы. Они создавались и действовали как орудия авторитарного режима.

История политаппарата РККА всесторонне не освещена. При первом же ознакомлении с литературой возникают вопросы: было ли оправдано введение этого аппарата в 1918—1919 гг.; почему вопреки духу и букве программы РКП(б) эти чрезвычайные органы сохранялись и после окончания гражданской войны, после воспитания и обучения нового командирского корпуса. Не стали ли они вредной надстройкой, обычной для режима; какова их роль в репрессиях против армии и флота; как объяснить чехарду с неоднократными отменой и восстановлением института военкомов перед и во время войны; какими были функции политаппарата в 1941—1945 гг.; почему и после упразднения института комиссаров этот аппарат остался вплоть до рубежа 80—90-х гг. в большой мере независимым от командиров, что ослабляло

единоначалие и ответственность командиров за состояние армии; почему армейские организации остались в наибольшей мере антидемократическими?

Будучи изначально по сути своей бюрократическим учреждением (контроль, администрирование, репрессии), в конкретных условиях гражданской войны институт военных комиссаров был, тем не менее, оправдан. Без него не обходилась, очевидно, ни одна великая революция. В мирных же условиях такой институт был не только не нужен, но и вреден. РККА нуждалась в опытных гуманитарных специалистах, работниках культуры. Но и те, и другие не должны были обладать командными правами. После окончания гражданской войны политаппарат начали реформировать, но с контрреволюционным переворотом перестройка прекратилась. Восстановление и упразднение института военкомов в 1937—1942 гг., на наш взгляд, вызвано произволом диктатора, его колебаниями между расчетом и догмой, чрезмерным усилением всех признаков тирании. Даже после упразднения военкомов в 1942 г. политработники не были лишены начальственных прав и функций, хотя они и не имели места в боевом расчете. В условиях боя их обязанности были по меньшей мере неясными.

Оценивая роль политаппарата в 1941—1945 гг., необходимо воздерживаться от крайностей. Да, он взаимодействовал с НКВД в репрессиях против военных. Но наивно полагать, что политработники были главными носителями жестокости. Она была свойственна руководству в целом. Некоторые досужие умы обвиняют комиссаров в поражениях 1941—1942 гг. Но глубокие причины этих поражений были заложены до воссоздания института комиссаров и без их определяющего участия. Политаппарат сыграл роль в воспитании военнослужащих, ограничении произвола командиров-самодуров. Да, наличие политработников позволяло нерадивым командирам уклоняться от воспитательной работы, а низкий уровень военного обучения большинства этих работников приводил к отрыву боевой подготовки от политической. Но наивно полагать, что культ личности насаждали только политработники. В тех условиях и командиры не могли отойти от этой «сверхзадачи». Вследствие авторитаризма в СССР не удалось создать такой системы руководства, которая органически сочетала бы в себе единоначалие, без которого невозможна армия, с элементарными требованиями гуманизма, правами гражданина, личности, без чего

немыслимо существование цивилизованного общества. Ни институт военкомов, ни принцип единоначалия в сталинистском варианте не могли избавить военный организм от многих пороков, в том числе произвола начальников, правонарушений.

Руководство войной характеризует также жестокость. Ее неправомерно представлять в виде реакции на злодеяния гитлеризма. Подобный прием применяют апологеты авторитарных систем. Жестокость прослеживается уже в первых документах военных лет, в частности, в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. и развернутом пересказе этой директивы — речи Сталина 3 июля. Народ и армию ориентировали на «беспощадную борьбу с врагом». Как показали советские военные теоретики еще в предвоенные годы, в частности А. Е. Снесарев, жестокость в современной войне не только безнравственна, но и бессмысленна. При небывалой плотности боевого огня она не даст былого эффекта. Режим не сумел, естественно, воспользоваться этими рекомендациями, что в большой степени было обусловлено свойствами самого Сталина. Показательно свидетельство В. П. Пронина. При назначении его председателем Моссовета Сталин предупреждал: «Лучше уничтожить двух-трех безответственных работников, чем подвергнуть лишениям миллионы советских людей». Пронин, к сожалению, не понял, что Сталин широко прибегал и к первому, и второму. Как вспоминает Н. К. Байбаков, когда угроза оккупации нависла над Кавказом, в июле 1942 г. его назначили уполномоченным ГКО по уничтожению нефтяной промышленности в этом регионе. При инструктировании Сталин сказал ему: «Имейте в виду — если вы оставите врагу хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем». И после паузы: «Если немцы не захватят этих районов, а вы уничтожите промыслы и оставите нас без нефти, мы вас тоже расстреляем». Это не было шуткой, подчеркивает автор. Он никогда не замечал юмора у Сталина.

Окружение было под стать Сталину. Наиболее часто обвиняют в жестокости Жукова. Многие из знавших его на фронте, в первую очередь вспоминают тот неопиcуемый страх, который нагонял он на всех — от генерала до красноармейца. Даже по оценке его дочери, Жуков «был крут». «Под суд, расстрелять!» — было излюбленным приемом не только Сталина, но и Жукова. В полной мере это прояви-

лось уже в бытность его командующим Ленинградским фронтом. В боевом приказе № 0064 от 17 сентября 1941 г. он требовал «немедленно расстреливать» командиров, политработников и бойцов, которые оставят рубеж Лигово — Колпино. В одном из документов Жукова, Жданова целая армия (8-я) обвинена в «предательстве». Для обстановки на фронте весьма характерна телефонограмма Сталина «Ленинград Жукову, Жданову, Кузнецову, Меркулову». Диктатор требовал уничтожать не только «немецких мерзавцев», но и русских стариков, женщин и детей, которых они «посылают впереди своих войск», но и тех «ленинградских большевиков, ...которые не считают возможным применить оружие к такого рода делегатам».

Вскоре Жуков перенес эту практику на Западный фронт. Известна его угроза И. В. Панфилову. Он «арестует и расстреляет» генерала, если дивизия посмеет сдать населенный пункт. Документ, подписанный командованием фронта Г. К. Жуковым, Н. А. Булганиным, В. Д. Соколовским 12 октября 1941 г., гласил: «КОМАНДАРМУ 49 копия: т. СТАЛИН У. 1. Немедленно дать объяснение, на каком основании вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военсовета фронта... 2. Переходом в контрнаступление восстановить положение. В противном случае за самовольный отход от гор. Калуга не только командование частей, но и вы будете расстреляны».

Выразительна запись переговоров Жукова и Булганина с командующим и членом военного совета 16 армии 21 ноября 1941 г.: «Нам некогда языком болтать... Военный совет фронта персонально тов. Рокоссовского и тов. Лобачева предупреждает и обязывает — под страхом ареста и предания суду Военного Трибунала за район Клин и район Истры, и если район Клин и район Истры будет сдан врагу — Вы будете арестованы и преданы суду немедленно» (орфография сохранена. В предписании «Всем командирам дивизий и бригад 16 армии Военному Совету 16 А т. Рокоссовскому, Лобачеву» 24 ноября 1941 г. Жуков и Булганин требовали «трусов и дезертиров, оставляющих поле боя, расстреливать на месте». Но кому дано право судить о том или ином военнослужащем как о «труссе и дезертире», т. е. в данном случае — приговаривать его к смерти; что значит «оставлять поле боя»? Как осуществлялись эти приказы, показывает такой эпизод. Вместе с командиром батареи противотанковых пушек Петром Максимовым 6 декабря 1941 г. недалеко

от Рузы один из авторов этих строк, в то время — военком батареи, оказался невольным свидетелем того, как командир 329 СД расстрелял («адъютант, маузер!») командира батальона Серебрякова. Последний, по словам этого самозванного судьи и экзекутора, «болтается в тылу, когда его батальон атакует». На самом деле никакой «атаки» не было, противник, подвергнув наши подразделения минометному обстрелу, отошел. Майор был в боевых порядках батальона.

В новой официальной литературе вопрос о репрессиях военных лет отражен так же непоследовательно, как и в старой. По Волкогонову, репрессии будто бы лишь «накачивались» волнами (1929—1933, 1937—1938, конец 40-х гг.), а война несколько ослабила «хватку» сталинизма. В действительности же они не прекращались и во время войны. Не случайно ученые, специально изучавшие дело, пришли к выводу о «сталинских репрессиях 30—40-х — начала 50-х гг.». Во время войны они изменились в какой-то мере по форме, но не уменьшились их масштабы, жестокость, бессмысленность. Вспомним арест в начале войны К. А. Мерецкова, Б. Л. Ванникова, Я. В. Смушкевича, Г. М. Штерна, П. В. Рычагова и других крупных деятелей вооруженных сил и оборонной промышленности; «дело» Д. Г. Павлова и других руководителей Западного фронта. Подобные репрессии не прекращались и в последующее время. По данным Хрущева, в 1942 г. расстреляли одного генерала «ни за что». 29 апреля 1943 г. Абакумов лично арестовал «как троцкиста» начальника оперативного отдела ВВС Сибирского военного округа генерала Б. Теплинского. По-прежнему функционировал ГУЛАГ. Число заключенных пока неизвестно. Разные источники неодинаково отвечают на этот вопрос. По данным историков ФРГ, в 1941 г. было 10,6 млн. заключенных, в 1942—1945 — 12,0. По данным «Красной Звезды», в 1941 г. было 2,3 млн. заключенных. Определенно можно сказать, что их поток не иссякал и во время войны. Принудительный труд не ограничивался лишь рамками ГУЛАГа. Работа огромной части населения фактически носила такой же характер. Колхозник не имел права покинуть свой колхоз, рабочий — свой завод, служащий — свое учреждение. Этой цели служили законы, системы паспортов, прописки, трудовых книжек и др. Во время войны были сфабрикованы новые типы «врагов» или подозреваемых — пропавшие без вести, вышедшие из окружения и плена, жившие на оккупиро-

рованных территориях, лица, которые имели там родственников.

Одной из самых крупных репрессий военных лет была депортация народов. Насильственные переселения больших масс населения начались еще на рубеже 20—30-х гг. в связи с раскулачиванием. Депортация целых национальных групп также началась до войны. Первой жертвой стала в 1937 г. корейская община. Почти одновременно с ней были высланы курды из Закавказья. В 1939—1940 гг. такую судьбу разделили сотни тысяч поляков, евреев, украинцев, белорусов, молдаван, латышей, литовцев, эстонцев. Накануне войны с Финляндией было выслано несколько тысяч лиц финской национальности. 28 августа 1941 г. была ликвидирована АССР немцев Поволжья. Их обвинили в подготовке диверсий и шпионаже. 1,5 млн. немцев из этого и других регионов были депортированы. По некоторым данным, половина их погибла. В 1944 г. в условиях четко обозначившейся победы, когда было время и условия, чтобы во всем разобраться, так же поступили с целой группой народов. Они были поголовно обвинены в пособничестве врагу. В вагонах для скота в далекую Сибирь, на Урал, в Казахстан и Среднюю Азию были вывезены сотни тысяч балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, месхетинцев, чеченцев, из причерноморских районов — армяне, болгары и греки; ногайцы были лишены своей автономии. Репрессии на этнической основе продолжались, хотя и не в таких масштабах, и в послевоенное время. Число депортированных мусульман составило примерно 3 млн.

Нет единого мнения о мотивах этих акций. Некоторые авторы полагают, что Берия пытался подтвердить таким образом свою преданность «вождю». Другие вспоминают представление Сталина о единой нации и стремление уничтожить малые народы. Более определенно можно сказать, что все или почти все переселения связаны с угрозой войны или войной. Официальное объяснение согласуется с известным тезисом об усилении классово-борьбы, шпиономанией. Обвинение «народов-предателей» основано на ложных обобщениях и фабрикации фактов. Действительно, были случаи уклонения от воинской службы, перехода на сторону врага, бандитизм и пр. Но это было и в других регионах. Ряд авторов выделяют страдания лишь своих сородичей, хотя незаконно не обошло ни один народ. Реабилитация репрессированных народов, к сожалению, и поныне проходит в СССР

и бывших его республиках непоследовательно, собственно, как и десталинизация в целом. Раскрывая преступления сталинизма против народов, нельзя впадать в противоположную крайность. Так, по Геллеру и Некричу, «едва началась война, как зашаталось здание социалистических национальных отношений».

Ничто так не способствовало уничтожению наиболее активной части населения, как порочный в профессиональном и нравственном отношении метод руководства войной. На его формирование оказал особое влияние одиозный приказ № 270 ставки 16 августа 1941 г. Подписанный И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, С. М. Буденным, К. Е. Ворошиловым, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошниковым, Г. К. Жуковым, приказ был сочинен в спешке, его текст даже не был отредактирован. Хуже другое: он пронизан ложью, оперировал непроверенными фактами. Никто из упомянутых в нем генералов в плен не сдавался. Были оклеветаны честные люди. Не ясно, зачем понадобился приказ, если «громкое большинство» красноармейцев, командиров и комиссаров «ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически». Крах почти всего фронта, растерянность самой ставки авторы сводят к «случайному отрыву от армии» некоторых ее частей, «первой заминке на фронте». Своим острием приказ был направлен против командиров. Этого официальная историография старается не замечать. Меры против командиров были несравненно более жестокими, чем против рядовых.

Документ во многом посвящен плену. Понятие последнего грубо искажено. Вопреки не только международным законам и обычаям войны, но и традициям своей армии, авторы отождествили плен с изменой родине. Сталин в беседе с представителями союзников утверждал: у нас нет пленных. Но союзники доподлинно знали, что многие бежавшие из германского плена красноармейцы успешно сражаются в рядах английской армии. Тезис Сталина: «все пленные — изменники» грубо нарушает давно принятый цивилизованным миром принцип презумпции невиновности. Все возвратившиеся из плена подлежали проверке НКВД. Согласно решению ГКО от 27 декабря 1941 г. создавались спецлагеря. До 1 октября 1944 г. такую «проверку» прошли 354 592 человека. Из них 18 382 были отправлены в штурмовые батальоны, 11 556 — арестовано. В мае 1945 г. согласно директиве Сталина было создано при белорусских и украин-

ских фронтах еще 100 лагерей, на 10 000 человек каждый. В них размещались б. пленные и репатрируемые. Многие из них попали в ГУЛАГ. Общее число репрессированных пленных, число погибших в ГУЛАГе пока не известно.

Значение приказа 270 много шире. Принципы, заложенные в нем, составили основу деятельности режима в военные годы. Без труда прослеживается негативное влияние приказа и на послевоенное развитие. Пагубным было его непосредственное воздействие на армию. Он подрывал силы и без того крайне ослабленных войск, увеличивал страх, стремление командиров давать ложную информацию. Жестоким было отношение к командующим объединениям (казни, частые перемещения). Официальная историография не замечает связи самоуправления Ефремова и других генералов с приказом 270. Необходимо также проверить версию: Власов сдался в плен, боясь, что на него возложат ответственность за гибель 2-й ударной армии. Характерно, что Гитлер не решался расстреливать своих генералов за военные неудачи. Приказ 270 привел к тому, что многие военнопленные стали бояться возвращаться на родину. Он положил начало порочной практике «ни шагу назад», что, впрочем, не остановило отступления армии по всему фронту. Вместо разумной организации маневренной обороны, присущей современной войне, фактически в ряде мест вводились заградительные отряды. Кулик сообщал, как в октябре 1941 г. он «ловил бегущих по городу и сажал в оборону». На основе приказа 270 производились «расстрелы без суда и следствия»; возникла привычка ряда командиров чуть ли не по всякому поводу хвататься за пистолет.

Жестокость лишь обрекала армию на самые упрощенные действия. На Керченском полуострове предел ограниченности показал Мехлис. Он запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательный дух красноармейцев: позади было море. Широко известен негодный способ брать «любой ценой» те или иные деревушки. Плохо или вообще неподготовленные атаки пехоты для захвата никчемной высоты, при не подавленных артиллерией или авиацией огневых точках противника характеризуют своеобразный, присущий сталинизму метод. Рядом с такими атаками необходимо поставить боевой прием, связанный с именем А. Матросова. Он закрыл вражеский пулемет своим телом, хотя для того, чтобы пулемет замолчал, нужно было всего лишь несколько пушечных выстрелов. Некоторые историки в течение де-

Сятилетний выясняют число таких героев, не понимая, что в борьбе этого рода участвовали миллионы. Действия многих сотен пехотинцев, закрывших амбразуры, тараны летчиков и танкистов, мотивы и обстоятельства этих действий должны быть исследованы. Пока же их бездумно воспевают. К ним примыкает вызов огня на себя командирами-артиллеристами. Здесь речь идет не просто о самоубийстве. В непосредственной близости от командира, управлявшего огнем своей батареи (дивизиона) на наблюдательном пункте, который вот-вот может занять противник, как правило, находились один или несколько других офицеров, определенное число красноармейцев-связистов, разведчиков, санитаров. Трудно допустить, чтобы он интересовался при этом их мнением.

Так же безнравственны эксплуатация твердости советского солдата, его неприхотливости, его терпения, как и восхваление этой эксплуатации. Чтобы возместить дурное руководство, люди на фронте и в тылу работали на пределах человеческих возможностей. Их массовый героизм до сих пор заслонен описанием совершенных в крайних условиях поступков одиночек, десятков, сотен. Ничуть не преуменьшая их, пора обратить внимание на главное — коллективный подвиг частей, соединений, заводов, колхозов. Это героизм другого рода — длительный и тяжелый, умелый и дисциплинированный, ратный труд миллионов красноармейцев в условиях постоянной смертельной опасности, беззаветный труд миллионов рабочих, крестьян, служащих, часто в условиях голода и холода.

Жестокость (в какой-то мере и некомпетентность) ярко проявилась в истории народного ополчения. Вслед за Самсоновым, мы полагаем, что трагедия ополчения — это показатель не только патриотизма русского и других советских народов. Применение в бою совершенно не подготовленных, подчас просто безоружных, как правило, физически не тренированных гражданских лиц, — это не просто акт отчаяния, но и злодеяние. В книге А. Д. Колесника вопрос о их боевом применении, сопровождавшемся потерями, еще большими, чем в регулярных войсках, фактически обойден молчанием. Тот факт, что, по А. М. Синицыну, все московские ополченские дивизии стали краснознаменными, а три из них — гвардейскими, не говорит еще о реальных итогах их деятельности. Не поставлен и тем более не решен вопрос, во что обошлось отвлечение из народного хозяйства в эти части квалифицированных специалистов.

4 октября 1941 года Сталин и Шапошников подписали приказ «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». В нем отмечались «частые случаи незаконных репрессий и грубейшего превышения власти со стороны отдельных командиров и комиссаров по отношению ко своим подчиненным» (самосуды, побои и т. п.). Но подчиненные Сталина действовали в строгом соответствии с приказом 270 и общей «генеральной линией» диктатора. Помимо приказа от 4 октября, были отданы и другие распоряжения. Директива ГЛАВПУРа от 7 декабря № 268 «О ликвидации запущенности в устной пропаганде и агитации» была подписана Мехлисом.

28 июля 1942 г. приказ НКО № 227 грубо перечеркнет эти лицемерные призывы к морали и праву. Насколько можно судить по стилю, он написан самим Сталиным. Грубые погрешности в логике, пустые повторения, естественно, никто из приближенных не посмел устранить. Ряд ученых отводят этому приказу центральное место в репрессивной политике военных лет. Но приказ не внес ничего принципиально нового. Его называют «Ни шагу назад!». Но такой призыв не сходил со страниц приказов, газет и боевых листов, начиная с 22 июня. Требование «кистрелять на месте паникеров и трусов» уже было в приказе 270. Командиров, отступавших со своих позиций «без приказа свыше», уже называли «предателями», командармов к суду уже привлекали. В приказе 227 жестокость усиливалась, например, учреждались офицерские штрафные батальоны и штрафные роты, заградительные отряды. Позднее в развитие этого приказа введут в действующей армии и казнь через повешение. Один из авторов этих строк был ее свидетелем в июне — июле 1943 г. на Курской дуге.

Диктатор и его последователи умалчивали и продолжают умалчивать, что приказ 227 был призван снять со Сталина ответственность за гибель новых сотен тысяч людей. В приказе была искажена обстановка лета 1942 г. На краю пропасти страна находилась летом — осенью 1941 г., когда был еще вероятным успех скоротечного похода. С утратой этого шанса любые успехи вермахта имели лишь заурядное значение. Отражал ли приказ отчаяние вновь растерявшегося «полководца» или это — очередной шаг в целях поддержания «нужного тонуца армии», сказать трудно. Во всяком случае нельзя считать доказанной целесообразность приказа. Он был ущербным не только в моральном, правовом, но

и сугубо военном отношении. Он воспрещал любой отход, в том числе и оправданный. Он лишал инициативы всех командиров — от отделения до фронта. Это вело к новым безрассудным потерям, затягивало войну. В оперативном-тактическом отношении это было самым примитивным решением всех проблем: «в любом случае держать позиции или умереть». Сталин в приказе 227 открыто призывал учиться у Гитлера, жестокими мерами «спасшего» свой фронт от развала зимой 1941 г. Этот приказ Гитлера проанализирован германскими историками. Они дают ему также резко отрицательную оценку.

Нельзя принять мысль о том, что штрафные части и заградотряды были всегда и везде. По уголовному законодательству, действовавшему в СССР с 1926 г., дисциплинарные или штрафные батальоны не применялись. Штрафные части — это свидетельство тяжелого кризиса армейского руководства. Еще не изучена разница в использовании гвардейских, армейских, штрафных частей. Но несомненно, что последние были подобны ГУЛАГу в народном хозяйстве. В тылу можно было даровую рабочую силу бросать когда и куда нужно, в том числе и на верную гибель. На фронте — тем более. Штрафниками закрывали бреши в своем фронте, пробивали в чужом. И там, и здесь за жизнь людей никто не отвечал. Исходное (приказ 227) сугубо языческое положение «искупить кровью» уже предполагало «искупить жизнью». Очевидно, сталинская практика была еще более безнравственной, чем языческая. У нецивилизованных — «кровь за кровь». При Сталине же платили кровью за дезертирство и за опоздание на работу, за предательство и за то, что лендлизовские сапоги красноармейцу показались лучше отечественных. Один прострелил себе ногу, другой из дурного баловства расстрелял статуетку божьей матери. Заслуги не в счет. Известен случай, в штрафбате оказался б. командир батальона, четырежды орденосец, трижды раненый.

III

Цена победы — узловая проблема истории войны. В этом понятии как в фокусе сосредоточена вся война; от ее генезиса до ее влияния на последующее развитие страны и мира. Пока мы не решим этой проблемы, войну нельзя считать исследованной. Необходимо особо выделить соотношение

потерь сторон. Именно нежелание раскрывать это и обусловило во многом фальсификацию истории. В умах думающих людей мысль о цене победы возникла давно. 25 июня 1945 г., на другой день после парада на Красной площади, А. П. Довженко с горечью отмечал в дневнике, что при упоминании о павших в «торжественной и грозной речи» Жукова «не было ни паузы, ни траурного марша, ни молчания», Как будто бы эти миллионы «жертв и героев совсем не жили». «Перед великой их памятью, перед кровью и муками не встала площадь на колени, не задумалась, не вздохнула, не сняла шапки». Еще в начале войны Довженко писал о «тяжелой, кровавой и дорогой победе». Имея в виду низкое «качество» войны, он замечал: «Не было у нас культуры жизни — нет культуры войны».

Официальная литература со времен Сталина до наших дней скрывает или преуменьшает истинную цену победы, в том числе общее число погибших, но особенно боевые потери РККА. Представлено не только умолчание, но и просто жульничество. Так, сведения о потерях вермахта убитыми, ранеными, пропавшими без вести (13,6 млн. в целом и 10 млн. — на Восточном фронте) выдают за число только убитых; сопоставляют потери РККА убитыми с безвозвратными потерями вермахта (которые включают, кроме убитых, и пропавших без вести, инвалидов). М. А. Моисеев объявил «домыслами» все достижения историографии в исследовании потерь. Число погибших красноармейцев (8668400) он представил как окончательное, хотя при фактическом отсутствии должного учета военнослужащих в РККА, особенно в 1941—1942 гг., весьма низко уровне исследования проблемы ныне, немисливо делать какие-либо окончательные выводы. Не вызывают доверия сведения о том, что в 1941 г. погибли лишь 1,7 млн. человек. Наряду с этой тенденцией должно быть отвергнуто и внешне противоположное стремление ряда авторов резко преувеличить советские потери. Сообщают о 110 млн. погубленных в 1917—1950 гг., о 14-кратном превосходстве потерь РККА по сравнению с вермахтом.

В соотношении боевых потерь сторон на советско-германском фронте наиболее ярко отражен итог сталинистского руководства войной. Из всех самых противоречивых данных, представленных ныне в литературе, наиболее близкими к истине представляются сведения авторов шеститомной истории Великой Отечественной войны — около 14 млн. погиб-

ших красноармейцев. Это примерно совпадает с подсчетами ряда зарубежных ученых. Потери вермахта погибшими, по германским данным, составляют свыше 4 млн., в том числе на Восточном фронте — 2,8 млн. Соотношение — 5:1. В целом жертвы населения СССР и Германии: 27 и 6 млн., соотношение — 4,5:1. Среди потерь РККА особое место занимает плен. В СССР до сих пор нет ни одной работы об этом. На наш взгляд, может быть принято представленное в западной литературе число плененных вермахтом красноармейцев — примерно 5,7 млн.

Неимоверно большую цену победы СССР пытаются объяснить внешними обстоятельствами. По Геллеру и Некричу, потери были огромными «прежде всего потому, что война велась на территории Советского Союза в течение 3,5 лет». Это справедливо лишь относительно потерь мирного населения. Агрессор с его человеконенавистническими целями и человекоубойной промышленностью, на самом деле, виноват во всем, но лишь в конечном счете. Здесь правомерно поставить вопросы: как оказался он в глубине чужой земли, кто позволил ему истребить миллионы беззащитных людей, захватить или уничтожить громадные ценности. В ряде мест СССР железный каток войны прошел несколько раз. Можно встретить противопоставление «беспощадного использования людских масс советским руководством... бережливому введению в бой людей с использованием больших материальных средств англо-американским» (Г.-А. Якобсен, ФРГ). Эта схема недостаточна. Нельзя отрицать прямую связь между огромными потерями РККА (напомним, потери вооруженных сил США и Англии убитыми соответственно: 405 тыс. и 375 тыс.) и сталинистским руководством. Необходимо учитывать, однако, и крайне несправедливое распределение усилий внутри антифашистской коалиции. В то время как СССР сковывал главную мощь общего противника, союзники спокойно накапливали необходимые силы и средства, обучали свои войска. Определенным кругам удалось добиться желаемого: пусть немцы и русские больше убивают друг друга. И дело здесь не только в искусстве или коварстве западной дипломатии.

Некоторые советские ученые утверждают, что вообще не было победы СССР, поскольку ее добились такой кровью; что виновников неоправданных потерь необходимо исторгнуть из истории; что РККА закончила войну, не умея воевать, залила кровью своей, завалила врагов своими трупам

ми. Это также крайность. Не умеющий воевать не победил бы и ценой 5:1. Зарубежные историки, подчеркивая вклад РККА в дело победы, не сбрасывают со счетов успешных ее операций, особенно 1944—1945 гг. По мнению одного из крупнейших специалистов Эриксона, в оперативном отношении РККА в целом в ходе войны догнала вермахт и во многом превзошла его.

Упомянутая понятийная неразбериха, может быть, более ярко выступает в описании потерь. Часто нельзя понять, о каких потерях идет речь — прямых или косвенных, общих или боевых, безвозвратных или санитарных, безвозвратных или умершими, убитыми или умершими от ран и т. д. Потерям Германии и ее союзников противопоставляют потери одного СССР. Но союзники СССР, особенно Польша и Югославия, также понесли громадные жертвы. Преуменьшая число пленных красноармейцев на несколько миллионов, ссылаются на включение оккупантами в категорию военнопленных нескольких десятков тысяч штатских. Продолжается преднамеренное или по малограмотности смещение цены и значения победы. Бесспорным является главный вклад СССР в разгром фашизма, как и историческое место победы вообще. Она определила дальнейшее развитие человечества. Эти истины приняты мировой наукой. Ученые отмечают, что РККА постоянно привлекала большинство войск противника и нанесла ему наибольший урон. Многие западные исследователи отождествляют провал Восточного похода фашистов с итогами всей второй мировой войны. Другое дело — непомерно высокая цена этой победы, связанные с ней другие теневые стороны военной истории СССР.

Многое в этой сложнейшей проблеме не изучено. Это — общее число советских потерь, их виды, потери в разные периоды войны, в различных операциях. Не осуществлен сравнительный анализ потерь коалиций, не полностью раскрыта ответственность за потери. В связи с активизацией националистического экстремизма важно также иметь научную оценку потерь республик, составлявших СССР в 1939—1945 гг. Нет единого мнения о потерях Ленинграда и других городов. Полностью выпал из поля зрения официальной историографии и такой важный сюжет, как влияние потерь на развитие страны послевоенных десятилетий в областях экономической, психологической, идеологической, демографической. Напомним, в частности, о глубоком демографическом спаде 80—90-х гг.

Вторая мировая война — крупнейшее военное столкновение всех времен. Ко многим ее чертам применимы прилагательные превосходной степени. В то же время ее отличает сильнейшая противоречивость. Это крайне несправедливые, опасные для всего мира цели агрессора, хорошо организованного, обученного и вооруженного, не связывавшего себя никакими нормами морали и права, особенно относительно «неарийских народов». Но со стороны антифашистской позиции — это самые высокие цели защиты интересов собственной Родины и населения всей земли; исключительное мужество армий и народов, способность превзойти агрессора и в военном искусстве, и в военной технике.

Война советского народа также не может быть оценена однозначно. Была тирания. Но были и общечеловеческие традиции российской истории, гуманистические идеалы российской революции, от которых правитель открыто не отказывался. Они продолжали жить в сознании народа, что наиболее ярко проявилось в военные годы. Отечественные и зарубежные исследователи показывают, что народами СССР руководили не только традиционный патриотизм, но и социалистическая, интернационалистическая идея. ВКП(б) также не может быть оценена однозначно. Ее аппарат представлял собой инструмент в руках «вождя». Однако, были миллионы рядовых членов партии. В подавляющем большинстве своем это были наиболее добросовестные рабочие, крестьяне, служащие, красноармейцы. Тирания ослабляла их влияние, но отнюдь не исключала его. Многие рядовые члены партии, местные ее организации вели эффективную работу во имя победы. Официально провозглашенные демократические принципы, гуманные нормы поведения позволяли им в той или иной мере нейтрализовать пагубный сталинизм, независимо от того, сознавали они его сущность или нет.

Противоречивы итоги войны со стороны СССР. Великая победа — результат не только разгрома незваных пришельцев, но и преодоления пагубного воздействия укоренившегося в стране режима, его преступлений, главным образом против советских людей, и грубейших политических и военных просчетов. С полным основанием мы пишем об общем прогрессивном значении разгрома фашизма. Но победа, сохранив и укрепив независимость СССР, одновременно укреп-

пила реакционную диктатуру Сталина; разрушила фашистский строй в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, однако, там возникли подобные сталинистскому режимы. Имперские тенденции сталинской дипломатии, общая ее ограниченность явились одним из условий возникновения «холодной войны». Этому способствовали огромные потери СССР, породившие самоуверенность влиятельных кругов Запада.

Главный порок всех изданных в СССР трудов о войне состоит в том, что их авторы не смогли раскрыть, как соотносятся сталинизм и вторая мировая война. Они не смогли показать диалектику двух противоположных тенденций, свойственных СССР, — принуждения и инициативы масс коммунистов и беспартийных; методов чрезвычайных, часто противоречивых, и цивилизованных; целесообразного и абсурдного; интенсивного и экстенсивного, гуманного и антигуманного, планетарного и провинциального, демократического и реакционного. Многие советские историки отождествляют социализм и сталинизм, народ, армию и «великого стратега», не замечая того, что на фронте и в тылу в самых различных формах проходило противоборство прогрессивного и регрессивного. Наша вина и беда состоит в том, что мы не сумели показать: эту страшную войну СССР выиграл не благодаря, а вопреки Сталину и сталинизму. Не раскрыты великий подвиг народов, вооруженных сил и одновременно — ущербность руководства. Сталинизм, его место в предыстории, ходе и исходе минувшей войны — главная проблема, от решения которой в конечном счете зависит освещение не только войны, но и всей новейшей истории. Его преодоление осталось актуальнейшей задачей современности.

Перестройка знания о войне началась в СССР с большим опозданием и проходит весьма неудовлетворительно. Это объясняется недостаточностью источниковой основы, слабой профессиональной, в первую очередь методологической подготовкой подавляющего большинства военных историков, незнанием достижений мировой историографии. На освещение войны оказывает не лучшее влияние современная политическая борьба, стремление различных лиц и групп использовать так или иначе искаженные знания о войне в своих узких целях. Апологетика традиционной историографии пугает умолчание и нигилизм в новой литературе. Антикоммунистический, антисоветский, антипатриотический, шо-

винистический и сепаратистский разгул — это неизбежная плата и за консерватизм историков, за их жалкие попытки сохранить сталинские штампы, за их дилетантизм, за дурную идеологизированность их трудов.

Пожалуй, наиболее ярко это проявилось в сталинистском возвеличении роли большевиков в 1917 г., которое без труда, но весьма эффективно ныне повернули против КПСС. На самом деле Россию привели к жесточайшему кризису царизм, консервативное духовенство, их сторонники в различных условиях, их зарубежные союзники. Кадеты, меньшевики, эсеры в феврале без борьбы получили реальную власть, оказавшуюся для них непосильной ношей. В октябре фактически также без борьбы они отдали ее. Как и части большевиков, им не доставало понимания общенациональных интересов, готовности включиться в совместную созидательную работу. Многие из них поддержали монархическую контрреволюцию или уклонились от борьбы с ней. Вместе с властителями 30—90 гг. историки, в первую очередь «организаторы науки», ответственны за то, что наша страна, и без того отстав от развитых стран, например, в технологической области, до сих пор оказывается не в состоянии воспользоваться гигантским опытом человечества. Вина их в том, что, изгнав проблему выбора из прошлого, они способствовали окостенению общества. Лишив его возможности учиться у истории, они во многом сократили его способность к реформам. Ныне вновь пренебрегая этими давно известными истинами, народы позволяют бессмысленно разрушать развитые производительные силы, систему жизнеобеспечения, веками создаваемые огромные духовные ценности, превращать частные этнические конфликты в кровавые националистические войны.

В странах СНГ явно или скрытно сохранились многие черты сталинизма — жестокость, некомпетентность, бюрократизм. Об этом фактически говорил президент РФ на сессии ВС 6 октября 1992 г. Вслед за оппозицией признав застой или обвал практически во всех сферах общественной жизни, он обвинил в этом вчерашних и нынешних министров и депутатов. Но он упустил случай сказать о собственных нарушениях конституции, превышениях полномочий, данных ему народом, просчетах и ошибках. Можно было бы более определенно сказать, насколько безнравственно, осудив своих скверных предшественников, идти на новое государственно организованное ограбление трижды ограбленного народа.

К сожалению, президент не выразил готовности подать в отставку, хотя такой вывод неизбежно вытекает из самого доклада. Вотличие от известного морского обычая в данном случае первое лицо должно уходить первым.

После краткого времени больших надежд историю вновь принуждают служить дурной пропаганде. Характерна дежурная рецензия М. Малия (США) на книгу Р. Пайпса «Русская революция». Она опубликована журналом АН «Отечественная история», хотя ее место — в спутнике агитатора. Основные тезисы рецензента совпадают с официальными, поддерживать которые не привыкать АН: «КПСС — преступная организация»; крушение СССР произошло исключительно по внутренним причинам; от него «не уцелело никаких жизнеспособных институтов». «Беспрецедентную катастрофу Великого Октября» Малия вопреки требованиям истории сопоставляет с «триумфальными юбилеями» американской, французской (200 лет), и английской (300 лет) революций. Но разве в их истории не были такие же «августы 1991» и разве они не знали своих движений вспять, своих сталиных? Показателен вопрос автора: как мог большевизм (и сталинизм под его маской) «так долго выступать в качестве всемирно-исторической альтернативы капитализму»? Не потому ли, скажем мы, что капитализм даже в самой развитой его форме еще далек от того неведомого «нормального общества», которое воспевают Малия и его единомышленники в РФ. Говорить об «эпохальной победе антикоммунистических сил» в СССР, на наш взгляд, рано. Явно торопится автор похоронить и господствующие в западной советологии выводы о закономерности Октября, о сталинизме как антиподе ленинизма.

В 1992 г. литература различных направлений, как по команде, утратила интерес к войне. Очевидно, обращение к ней не обещает властям успеха. В редких же выступлениях одни нелепости сменяют другие. По мнению Фельгенгауэра, военно-исторические клубы не отмечают день 9 мая потому, что телогрейки и ботинки с обмотками тех лет были неказисты в отличие от одежды, например, героев Бородина. Война будто бы кончилась тогда, «когда некому стало сражаться» — «распался Союз» и «Германия объединилась». В освобожденных некогда РККА от фашизма странах ныне не будут отмечать «чужой праздник», новые государства «нуждаются в собственных праздниках». Победа якобы была лишь «главным оправданием всех бесчисленных преступле-

ний советской (коммунистической) власти». Раздается призыв перестать мыслить категориями победителей и побежденных. И он был бы вполне приемлем, если б не сочетался с ужесточившимися требованиями пересмотра границ. И. Фридберг, драматург, изучавший науку по лекциям «замечательного историка и писателя Натана Эйдельмана» и «блистательным описаниям Бабеля», смело отвергает международную историографию: «Вторая мировая война с ее чудовищными, трагическими потерями славянских, немецкого и еврейских этносов была следствием ошибочной российской внешнеполитической доктрины», «ошибок Сталина». И чтобы никто не сомневался, не забыл ли автор о фашистском натиске на Восток, Фридберг несколько раз подчеркивает: «никогда Запад не стремился к уничтожению Российского государства», «опасность всегда исходила только с Востока». Во всем этом нет науки, но все приспособлено к нынешним потребностям определенных сил.

Многие авторы представляют развитие страны с октября 1917 по август 1991 гг. в виде гигантского провала, отказываются от критики сталинизма, фактически оправдывая его. В то же время в рамках извлеченной из небытия доктрины тоталитаризма, шумной кампании против «красно-коричневых» размыывают понятие фашизма. Ряд официальных и «свободных» газет готовы отнести к «фашистам» любого «неверного». Наряду с этим реабилитируют фашизм, представляя его не причастным к возникновению войны, игнорируя значение его разгрома. Дошло дело до его прямого восхваления. К коллаборационистам из западных республик присоединился В. Гридин из «Независимой газеты». Он призывает «не обижать фашистов» отождествлением их строя с «нашей недавней системой». Вместе с этим идут националистические извращения. Одни издания преувеличивают роль еврейских шовинистов в истории России, другие — «русских фашистов». Благородный гнев против антисемитизма и еврейского национализма грозит стать основной линией поведения и тех, и других. Все чаще слова «наша страна» уступают место «эта страна». С. Мишин из упоминавшейся газеты объявляет конец русских как нации, считает, что «не надо бояться распада РФ». Не располагая разумными доводами, автор своеобразно трактует прошлое, неудачно апеллируя к православию. Трудно поверить, что публицисты трудятся во имя согласия различных групп населения страны.

Современное общество не может развиваться вне науки.

Глубоко ошибается тот, кто полагает, что гласности она не нужна. Разум и нравственность превыше всего. В этом — главный урок советской истории конца 20-х — начала 90-х гг. На выводах из своего прошлого должны учиться и общественные науки, если они намерены служить народу. Когда ученые освободятся от авторитарных влияний, воссоздание правдивой картины войны будет зависеть лишь от их порядочности и грамотности. Авторы брошюры полагают, что научное исследование многих важных проблем войны еще впереди, что требование «довольно писать о войне» вызвано недоразумением или злым умыслом. Они будут считать свою задачу выполненной, если их брошюра побудит пишущих и читающих о войне, сталинизме и фашизме усомниться в правильности и полноте многих представлений, которые кажутся безукоризненными, привлечет внимание к не освещенным еще сторонам прошлого.

Оглавление

	Стр.
I. Чего стоит многоголосие 1985—1992 годов?	3
II. Кто виновник войны?	56
III. Кто и как руководил войной?	70

Технический редактор Ж а р и к о в а Н. М.

Довольно писать о войне? — один из недавно появившихся подходов к прошлому. На основе многолетнего исследования отечественной и зарубежной литературы о второй мировой войне доктора исторических наук А. Н. Мерцалов и Л. А. Мерцалова рассматривают попытки перестроить историю войны, спор о сталинизме и гитлеризме, ответственности за войну, руководство войной со стороны Сталина и его группы, влияние сталинизма на современное общество.

Книга представит интерес для широкого круга читателей — от школьников до ученых историков.

Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж».
394000, Воронеж, пр. Революции, 39.

ISBN 5-89981-015-7

Сдано в набор 10.09.92. Подписано в печать 13.10.92. Формат 60×84/16. Бумага газетная. Высокая печать. Усл. п. л. 6,04. Уч.-изд. л. 10,21. Тираж 10 000. Заказ 4457.

